

ВИКТОР
ПРОНИН

ИТАЛЬЯНСКИЙ
СЛЕД

ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
ОТ СОЗДАТЕЛЯ
«ВОРОШИЛОВСКОГО
СТРЕЛКА»

Банда

Виктор Пронин
Итальянский след

«ЭКСМО»

2003

Пронин В. А.

Итальянский след / В. А. Пронин — «Эксмо», 2003 — (Банда)

В жизни всякое случается. Порой и сотрудников прокуратуры приходится защищать от преступников. У помощника следователя Павла Пафнутьева, эксперта Худолея, похитили любимую девушку. Все парни из следственной группы бросили свои дела и принялись за ее поиски. И неожиданно нашли два трупа молодых женщин. А вскоре вышли на разветвленную криминальную сеть, которая занимается тем, что поставляет живой товар на секс-рынок Италии. Так что теперь придется спасать не одну девушку, а многих...

© Пронин В. А., 2003

© Эксмо, 2003

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Виктор Пронин Итальянский след

* * *

С Пафнутьевым это случалось и раньше – он как бы терял ощущение жизни, не всегда мог сразу определить, что главное, а что второстепенное, что требовало немедленного вмешательства, а на что вообще можно было не обращать внимания. Ему временами даже трудно было решить – позвонить Шаланде или повязать галстук, отправиться на работу или починить розетку. Когда Вика с чем-то обращалась к нему, он думал не столько над ее вопросом, сколько пытался понять – кто эта женщина, почему она здесь и чего от него добивается, едва сдерживал себя, чтобы не спросить у жены – а кто ты, собственно, есть и как здесь оказалась?

Вика это недоумение прекрасно понимала и, едва взглянув в его глаза, молча удалялась заниматься своими делами.

– Все понятно, – единственное, что она произносила.

– Это хорошо, – кивал он, не интересуясь даже, что именно она поняла, до чего додумалась женским своим умом.

Отдернув штору, Пафнутьев ничего не понимающими глазами смотрел на стекающие по стеклу капли дождя. Не имея достаточно сил, чтобы скользнуть вниз решительно и неудержимо, они впитывали в себя водяную пыль, на своем извилистом пути сливались с такими же капельками и тогда уже маленькими ручейками устремлялись к жестяному карнизу.

«Не так ли и ты, Паша, не так ли и ты?.. – горестно подумал Пафнутьев и, как никогда, остро ощутил, что жизнь его идет совсем не так, как ему когда-то представлялось, совсем не так. – Что ты видишь, Паша, оглянувшись назад? – спросил он себя, заранее зная, что ответ будет печальным. – Ничего, кроме горы трупов и луж крови. Ни стихов не написал, ни музыки какой-нибудь заваливающей не сочинил, дом не построил, пусть плохонький, с подтекающей крышей, без воды, газа, отопления... Даже такой халупы не смог соорудить. Да что халупа – ты ведь, Паша, и ребенка не родил, как это ни прискорбно. Может быть, не только ты в этом виноват, но, по большому счету, некого тебе винить, кроме самого себя, некого. Это плохо, Паша, так нельзя».

Пребывая все в том же сумеречном состоянии, Пафнутьев оделся, взял старый, но хороший, большой зонт и лишь в прихожей оглянулся, почувствовав, что Вика слышит его тяжкие вздохи, сборы и, конечно же, стоит уже в прихожей, устремив на него взгляд хотя и сочувствующий, но с осуждением.

Пафнутьев развел руки в стороны и бессильно уронил их вдоль тела – вот так, дескать, вот так, дорогая.

– Надолго? – спросила Вика.

– Не навсегда, нет.

– Кто-то ждет?

– Многие ждут. – Пафнутьев невольно расправил плечи, чуть вскинул голову. – Но сегодня меня никто не дожидается.

– А я?

– Ты дождешься.

– Уже неплохо, – вздохнула Вика. – Уже кое-что.

– Что-то я маленько не в себе сегодня... Подышу.

– Подыши.

Пафнутьев некоторое время стоял, уставившись в пол, словно забыл, куда собрался, но, увидев в руке сложенный зонт, спохватился.

- Хочешь, вместе пойдем? – спросил он.
- Нет уж, избавь.
- Видимо, я сегодня не слишком общительный?
- Видимо.

Пафнутьев сделал прощальный взмах зонтом, который, наверное, мог бы служить и тростью, и, не добавив ни слова, вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Дождь к этому времени прекратился, и в зонте надобности уже не было. Да, прошел первый весенний дождь, смывая остатки грязного снега, пахло оттаявшей корой деревьев, дул теплый весенний ветер, который Пафнутьев еще улавливал, еще унюхивал даже не носом, а всем своим нутром. Что-то вздрагивало в нем, что-то тревожно отзывалось на неуловимые признаки скорой весны.

– Надо же, весна, – пробормотал он, подняв воротник коротковатого пальто, надвинув на глаза кепку, взяв зонтик под мышку, а руки сунув в карманы. Все это входило в ритуал вечерней прогулки, таким он помнил себя, когда был молод и без причины счастлив. Как бы наблюдая за собой со стороны, Пафнутьев сознавал, что вид имеет несколько угрюмый, сутуловатый, но он себе нравился и таким и таким себя тоже помнил. Поэтому прогулка получалась как в давние годы, когда он все понимал, все знал и ни в чем у него не было никаких сомнений. Но с годами знания его покинули. Были и ушли, не дождавшись достойного применения. И понимание, уверенное, глубокое понимание ушло, уступив место бесконечным, раздражающим сомнениям, колебаниям, неуверенности. Может быть, он понял наконец широту жизни, ее неоднозначность, а знания и уверенность шли от молодости и дурацкой самонадеянности? Но, настаивая на своем, он побеждал, побеждал легко, играючи! Значит, понимание сути происходящего, понимание людей и себя самого было истинным!

Пафнутьев знал совершенно твердо – это происходит не только с ним, это происходит со всеми.

С годами.

В память врезались слова чемпиона по шахматам Петросяна. На освещенной сцене сражались за звание чемпиона другие игроки, более молодые. И когда Петросяна попросили пояснить возникшую на доске позицию, он лишь горько усмехнулся: «О, когда я знал все это, то был там, в лучах прожекторов».

Легкий дождь начинался, опять прекращался, постепенно темнело, явственнее становился запах весны, весна сильнее пахнет молодостью в сумерках, когда исчезают, становятся невидимыми подробности дневной жизни – озабоченной, суетной, корыстной.

Отшагав несколько кварталов, Пафнутьев вернулся домой уже не в столь подавленном состоянии. Он повесил зонт на крючок вешалки, отряхнул промокшую кепку, в комнату вошел со взглядом ясным и улыбочивым.

- Звонил Худолей, – сказала Вика.
- Да-а-а? – радостно удивился Пафнутьев.
- Трезвый.
- Это прекрасно! – с подъемом воскликнул Пафнутьев. – Трезвость – это всегда хорошо!
- Сюда едет.
- Да-а-а? – уже озадаченно протянул Пафнутьев. – По какой такой надобности?
- Не сказал.
- Ты не спросила?
- Пыталась.
- А он?
- Асфальт.

– Ладно, разберемся. – Пафнутьев опять подошел к окну, но прежнего настроения не было и судорожные движения капель по стеклу уже не тревожили. Он постоял над телефоном, безвольно провел пальцами по кнопкам, но звонить не стал. Попятившись, упал в глубокое, затертое кресло, ободранное котом. Из спальни появилась Вика и, опершись плечом о косяк двери, некоторое время молча смотрела на Пафнутьева. – Слушаю тебя внимательно, – наконец произнес он.

– Паша... Как тебе кажется, у нас с тобой хорошие отношения? Или еще какие?

– Уж если ты об этом спрашиваешь, то, видимо... Второе предположение ближе к истине.

– Ты чувствуешь напряг?

– Очень явственно. Временами даже шкурой. Озноб по телу и это... Гусиная кожа.

– Шутишь, Паша?

– Ничуть. Отвечаю искренне и чистосердечно. И, надеюсь, моя откровенность зачтется. Я употребляю или, скажем, произношу не те слова, которые произносят другие... Ну что ж... Какие есть. Знаешь, в чем главное достоинство моего ответа? В нем нет лукавства.

– И за то спасибо.

– Ты плохо ответила. Дала понять, что искренность – это далеко не самое главное, есть вещи поважнее. А их нет. Это я говорю тебе как профессионал по части искренних ответов на прямые вопросы.

– Ладно, оставим это для твоего кабинета в прокуратуре.

– Опять не в тон. – Пафнутьев неотрывно смотрел в серый пустой экран телевизора. Глядя на него, можно было подумать, что он сидит один в пустой комнате.

– И это оставим. Ты можешь сказать, в чем причина того, что между нами происходит?

– Люфт.

– Люфт? – удивленно переспросила Вика.

Ответить Пафнутьев не успел – в прихожей раздался звонок, и он пошел открывать дверь. Это был Худолей.

Видимо, дождь на улице пошел снова, потому что гость был мокрым, капли воды стекали даже по его лицу, точь-в-точь такие же, какие совсем недавно Пафнутьев рассматривал на стеклах своего окна.

– Привет, Паша.

– Привет.

– Я разденусь, ладно?

– Только не до конца. Оставь что-нибудь на себе.

– Боюсь, сухого ничего не осталось.

– Это плохо. Так нельзя. Когда будешь уходить, я дам тебе зонт.

– Но я еще не ухожу. И не собираюсь в ближайшее время.

Пальто свое Худолей повесил на угол двери, туфли, не расшнуровывая, скovyрнул с ног и задвинул в угол, по-собачьи потряс головой, избавляясь от влаги, и наконец посмотрел на Пафнутьева. И глаза у него оказались как у побитой собаки.

– Ты чего, Валя? – Пафнутьев, кажется, даже вздрогнул – таким несчастным он Худолея еще не видел.

– Разговор есть, Паша.

– Пошли.

Так уж у нас повелось с некоторых пор, так уж мы привыкли, что серьезный разговор между мужиками может происходить только на кухне. Не в комнате, не в мягких креслах, при шторах, ковре и пусть даже выключенном телевизоре, нет. Кухня в пять квадратных метров как бы сближает, вынуждает смотреть в упор, поскольку глаза отвести в сторону просто некуда, собеседники касаются не только лбами, но и коленями под столом и ничто не может помешать им понять друг друга.

Одним махом Пафнутьев сгреб со стола все лишнее, понимая, что загроможденный стол мешает пониманию, разрушает само желание открыться до конца. Он водрузил на середину стола початую бутылку водки, две граненые стопки, на тарелку высыпал из кастрюли оставшиеся от ужина картофелины и туда же положил два соленых огурца.

– Все, Паша, – сказал Худолей. – Этого вполне достаточно. Что бы ты ни добавил еще, все будет лишним.

– И не собираюсь, – Пафнутьев пожал округлыми плечами. – Нам бы с этим управиться, – он сел и разлил водку в стопки, хорошо разлил, почти доверху. – С весенним дождичком тебя, Валя! – Пафнутьев поднял стопку.

– И тебя, Паша, – Худолей на мгновение задержал дыхание и, словно решив про себя что-то важное, выпил.

– Огурцы сам солил?

– Вика.

– Получились огурцы. Магазинные есть не могу – скулы сводит.

– Не надо, Валя, магазинные употреблять. Они плохие, – поддержал разговор Пафнутьев, давая возможность Худолею решиться наконец сказать, зачем пришел. – Казенные огурцы, как и все казенное.

– Светка пропала, – сказал Худолей, воспользовавшись заминкой. – Уже три дня.

– Какая Светка? – удивился Пафнутьев. – Ах да! Вспомнил. Так ты с ней...

– Да, последнее время мы с ней... Плотно общались. Плотней не бывает.

– Она тебя хорошо зацепила?

– Сильней не бывает, Паша. Меня уже нет. Я – труп. То, что ты сейчас видишь перед собой, – это труп.

– Понял, – кивнул Пафнутьев, наполняя стопки. – Сейчас у тебя на щеках появится румянец, и третью стопку ты уже попросишь сам. Найдется твоя Светка, некуда ей деться. Да, – понизил голос Пафнутьев, – что у тебя с правой рукой?

– А что у меня с правой рукой? – Худолей повертел ладонь, осматривая ее со всех сторон. – Ничего, все нормально.

– Почему тогда стопку не поднимаешь? – Пафнутьев даже припал к столу, чтобы заглянуть в глаза Худолею и наверняка убедиться, что у того действительно все в порядке с правой рукой.

– Да ладно, Паша, – вымученно улыбнулся Худолей, поднял стопку, чокнулся и выпил, даже и не заметив этого. – Ты ведь слышал, я по следственному делу работаю, от тебя кой-чего поднабрался... Знаю, куда позвонить, к кому обратиться, где справки навести... Я все это проделал.

– И что? Пусто?

– Пусто. Хотя добрые люди намекнули... Дескать, успокойся, мужик, жива красавица. Но не для тебя.

– Ты знаешь этих доброжелателей?

– Нет. В результате этой моей суеты я же засветился, я хорошо засветился, Паша! Так вот, раздастся телефонный звонок и хорошо поставленный голос...

– Что ты называешь поставленным голосом?

– Уверенный, неторопливый, с четким произношением всех шипящих, свистящих, хрипящих звуков... И с бесконечной, этакой ленивой наглостью. С ярко выраженным комплексом превосходства. Даже с жалостью. Он меня жалеет, понял?

– Это нехорошо, – сказал Пафнутьев. – Так нельзя.

– Я его достану, – негромко произнес Худолей. – Этого хмыря я найду.

– Правильно, – кивнул Пафнутьев. – Только, Валя... Ты не допускаешь, что Света тебя просто кинула?

– Допускаю, – и Худолей с незнакомой Пафнутьеву твердостью посмотрел ему в глаза. Перед Пафнутьевым сидел не тот человек, которого он знал до сих пор, это уже был не бестолковый любитель выпивки, вечно опаздывающий, все забывающий, постоянно жалующийся на недостаточно уважительное к нему отношение.

– Валя, у меня такое ощущение, что ты влюбился, а? Тебе не кажется?

– Паша, я это уже проехал. Влюбленность – это слабое дуновение ветерка по сравнению с тем ураганом, который в данный момент зверствует в моей хилой груди. Я, конечно, выразился до неприличия красноречиво, но суть передал. Передал?

– Более или менее, – Пафнутьев повертел в воздухе растопыренной ладонью. – Мне кажется, ты готов на крайние меры. Может быть, даже на нарушение действующего законодательства. Это нехорошо.

Худолей некоторое время молча смотрел на Пафнутьева, пытаясь понять смысл сказанного, и наконец с облегчением перевел дух – Пафнутьев шутил.

– Паша, ты хоть одно свое расследование провел с соблюдением всех правил законодательства?

– Нет, – быстро ответил Пафнутьев.

– А вообще это возможно – соблюсти все правила и нормы?

– Нет.

– Но хотя бы стремиться, Паша, только стремиться к этому можно?

– Нет.

– Почему?

– Бесполезно.

– Значит, ты меня не осуждаешь?

– Ни в коем случае. Я сказал это только для того, чтобы предупредить – когда будешь нарушать, то должен знать – здесь нарушаю. Или – вот здесь нарушу.

– Паша... Я сегодня все морги обошел, – не справившись со своим лицом, Худолей опустил голову. – В жизни не видел столько трупов, – произнес он каким-то незнакомым, смазанным голосом.

– У тебя, Валя, поехала крыша, – сказал Пафнутьев будничным голосом, опасаясь, что даже от нотки сочувствия Худолей разрыдается. – У тебя просто поехала крыша.

– Да! – закричал Худолей, подняв голову. – Я счастлив, что наконец-то она у меня поехала! И готов всю жизнь оставаться со сдвинутой крышей!

– Что ты хочешь от меня?

– Включайся, Паша, пока не поздно. Я чувствую, что еще не поздно.

– Хорошо, – сказал Пафнутьев, чуть дернув плечом: дескать, стоит ли говорить о такой мелочи. И разлил остатки водки по стопкам. Опять получилось почти по полной. – За победу над силами зла. Как мы их понимаем.

Ушел Худолей, скорбно ушел и дверь за собой прикрыл почти неслышно, будто оставлял в доме нечто важное. А Пафнутьев так и остался сидеть за опустошенным столом, казавшимся почти оскверненным, поскольку бутылка была пуста, картошка остыла, хлеб подсох.

Пришла из спальни Вика, постояла, оценивая состояние Пафнутьева. Молча села на табурет, с которого совсем недавно поднялся Худолей, поставила на самый краешек стола локоток.

– Внимательно тебя слушаю, – произнес Пафнутьев, не поднимая глаз.

– Я насчет люфта.

– А... Понял. А что с ним, с люфтом?

– Мне бы хотелось знать, что это такое.

– Это зазор, просвет между двумя соприкасающимися деталями механизма. При хорошей, качественной сборке быть его не должно. Иначе детали начинают болтаться, что в конце концов приводит к их разрушению. Я внятно выражаюсь?

– Вполне. А какое отношение все это имеет к нам с тобой?

– Между нами образовался люфт, этакий милый просветик, в котором постоянно наличествует... Это слово такое – наличествует... Так вот, между нами постоянно ощущается легкий такой, холодящий сквознячок.

– И ничего нельзя сделать?

– Существуют различные приемы, методы, способы, уловки... Можно, например, использовать напыление, наплавку, шлифовку...

– Паша, я спрашиваю не о железках, я спрашиваю о живых людях.

– Понял, – кивнул Пафнутьев. – Ты намекаешь на нашу с тобой жизнь?

– Ты очень догадливый.

– Мне это многие говорят. И мужчины и женщины, и начальники и подчиненные, и старики и старушки...

– Куражишься?

– Нет, выкраиваю время, чтобы ответить нечто внятное... Понимаешь, люфт не может возникнуть при наличии одной детали, деталей должно быть не меньше двух. И они должны соприкасаться. А если соприкосновение недостаточное, то в починке нуждаются обе. Понимаешь?

– Попробуем?

– Попытка – не пытка, как говаривал вождь всех народов.

– Что у Худолея?

– Девушка пропала.

– Хорошая?

– Да.

– Тоже люфт?

– Нет, там все немножко хуже. Пропала одна деталь, а оставшаяся не имеет никакой ценности, все ее достоинства и недостатки сразу потеряли всякий смысл. Она попросту сделалась никому не нужной. В том числе и самой себе.

– Это печально. Будешь искать?

– Надо. – Пафнутьев поднялся, провел рукой по волосам жены, чуть подзадержал руку, но, устыдившись собственной слабости, прошел в комнату, опять приблизился к окну и уставился в мокрое ночное пространство. Но он уже не видел стекающих капель дождя по стеклу, вечерних огней, сполохов автомобильных фар. Перед глазами стояли затравленные глаза Худолея, но сказать, что они так уж растревожили его, заставили содрогнуться от сочувствия и желания помочь...

Так сказать, конечно, можно, чтобы подчеркнуть хорошие качества Пафнутьева, его готовность прийти на помощь, броситься на защиту, но это была бы не вся правда. Вечная беда профессионалов в том, что человеческие чувства отступают перед напором мыслей сухих и целесообразных – что нужно сделать, куда обратиться, какие вопросы задать тому же Худолею, как его вывернуть наизнанку и заставить произнести вслух те сведения, о которых он и сам не подозревает. А судьба красавицы Светы, худолеевские страдания, его просьба, высказанная между второй и третьей стопкой, – это толчок, сильный, неожиданный, но всего лишь толчок.

Да, ребята, да.

Это печально, но это так.

Мы можем помочь близкому человеку и деньгами, и временем, даже на жертвы готовы, но при этом помним, как прекрасно выглядим в своей самоотверженности.

Это несколько не относится к Пафнутьеву, да и не о нем речь.

Речь о нас с вами, дорогие, о нас, любимых.

Утро было ветреное, на мелких лужах играла рябь, низкие тяжелые тучи цепляли верхушки деревьев, но все равно на душе у Пафнутьева было если и не радостно, то по-молодому взволнованно. Мелкие недостатки весны, тот же ветер, лужи, тучи выглядели даже ее достоинствами. Пафнутьев шел, привычно подняв воротник пальто, надвинув кепку на глаза, сунув руки в карманы. Именно таким он себя помнил, когда лет двадцать назад был молод и влюблен. Причем речь вовсе не идет о какой-то юной особе, вовсе нет, просто влюбленность была обычным состоянием души. Можно даже сказать, что он был влюблен во всех прекрасных особ, знакомых, незнакомых, черных, белых, желтых, перед ним простирался мир, простиралась бесконечная жизнь, и в нее он тоже был влюблен.

С тех пор многое изменилось.

Пафнутьев уже забыл, когда шептал срамные слова на ушко красавице прямо в трамвае. Тягостные впечатления, которые он ежедневно получал по долгу службы, поумерили его пыл, остудили желания и вместо радостно повизгивающей беззаботности пришла печальная сосредоточенность. Не унылая, нет, не безрадостная, просто печальная. Но вот потянуло весной, и что-то там, в глубинах пафнутьевской души дрогнуло, словно маленький росток очнулся и несмело потянулся к солнцу, которое еще пряталось за тучами, к теплу, которое еще не наступило, да и наступит ли...

Вечерний визит Худолея будто разбудил Пафнутьева от зимней спячки. Жизнь, оказывается, продолжается, люди по-прежнему сходят с ума, у них едет крыша, когда их бросают любимые девушки, и ничто не может остановить их безумства.

Пишу об этом убежденно и уверенно, поскольку знаю – так бывает.

Не по рассказам знаю, не по пьяным исповедам.

Войдя в свой кабинет, Пафнутьев повесил пальто на стоячую вешалку, сразу на несколько крючков набросил, чтобы просохло оно, чтобы в расправленном виде избавилось от холодной весенней сырости. Усевшись за стол, Пафнутьев с силой потер ладонями лицо, будто снимая с него остатки сна, снимая сонное выражение, которое здесь было совершенно неуместным.

– Разрешите, гражданин начальник? – в дверь заглянул Худoley.

– Заходи.

– Павел Николаевич! Ты напрасно на меня бочку катишь, зуб имеешь и мысли нехорошие в мою сторону допускаешь, – начал Худoley быстро, напористо, подчеркнуто деловито. – Снимки, которые я сделал на месте происшествия, не так уж и плохи, не так уж, Паша. Резкость в порядке, контрастность выше средней, труп во всех своих горестных подробностях. Вот посмотри, – Худoley протянул Пафнутьеву пакет со снимками.

Пафнутьев взял плотный конверт, не открывая, повертел его в руке и положил на край стола.

– Садись, – сказал он, указав на стул.

– Если ты считаешь, что эти снимки...

– Света нашлась?

– Нет.

– Звонки, записочки, телефонные перебрехи?

– Ничего.

– Подруги, друзья, родственники?

– Пусто.

– Помнится, после обячевских событий мы подвозили ее на какую-то квартиру.

– Заперта.

– Внутрь заходил?

– Нет.

– Напрасно.

– У меня нет ключей.

- У соседей спрашивал?
- Как-то в голову не пришло...
- Тебе не пришло в голову?! – вскричал Пафнутьев гневно. – Тебе? Да у тебя в самом деле поехала крыша!
- Похоже на то, – смиренно ответил Худолей, глядя на Пафнутьева с какой-то непривычной беспомощностью.
- Что говорят ее знакомые?
- Никто ничего не знает.
- Так не бывает, – негромко сказал Пафнутьев. И повторил тише и тверже: – Так не бывает. Вы с ней...
- Да, Паша, как выражаются в нашей конторе, мы с ней сожительствовали.
- На каком этапе были ваши отношения?
- На взлете.
- Другими словами...
- Все было прекрасно, Паша. Иногда я оставался у нее на ночь, иногда она у меня.
- Да, я заметил, – произнес Пафнутьев, думая о чем-то своем и глядя на мокрые стекла окна.
- Что заметил?
- Приоделся, причесался, похорошел... От тебя уже глаз не отвести. Догадки, предположения посещали? У людей в твоём состоянии часто возникают всевозможные прозрения, они как бы обретают способность проникать взглядом в прошлое, в будущее, разумом своим и интуицией просто буравят как пространство, так и время. Похожего не было?
- У меня было такое чувство, что все это вот-вот случится. Паша, ты ведь немного знаешь Свету, встречался с ней, нас вместе видел... Может быть, она не принадлежит к добропорядочным и высоконравственным девицам...
- Мне тоже так показалось. Но она обалденно красивая.
- Это я заметил, – сказал Худолей без улыбки. – Причем у меня она частенько вызывала не столько восторг, сколько ужас, самый настоящий ужас. Я догадывался – это не будет продолжаться всегда.
- Да-а-а, – протянул Пафнутьев не то озадаченно, не то восторженно. – Ишь как тебя достало!
- Осуждаешь?
- Завидую. Но почему ужас?
- Я боялся оставить ее на минуту, чувствовал, что она может исчезнуть, что она должна исчезнуть, рано или поздно в любом случае. Все, что сейчас со мной происходит, я предвидел, был даже уверен, что случится именно так.
- Вот видишь, – удовлетворенно кивнул Пафнутьев. – Я подозревал, что в тебе должны открыться сверхъестественные способности. Вот ты и признался, можно сказать, дал чистосердечные показания. Это облегчит твоё положение.
- Ни фиги!
- И опять согласен, – миролюбиво протянул Пафнутьев. – В русском языке есть очень точное определение для таких случаев. Не знаю, есть ли нечто подобное у других народов, но у нас есть. И оно все объясняет.
- Ну?
- Вы не пара.
- С чего ты взял, Паша?
- Ты ведь не хуже меня знаешь, что вы не пара. Иначе откуда в тебе ужас, о котором ты говорил, откуда уверенность, что Света исчезнет, откуда это мистическое проникновение в будущее, которое посетило тебя? Откуда?

– Все это, Паша, треп. Пустой треп. Я много чего тебе наговорил – какой ты умный, проницательный, как велики твои познания в разных областях человеческой деятельности... Говорил?

– Говорил.

– Отрабатывай. Все похвалы и восторги, Паша, любовь и преклонение, преданность и признательность... Все это, Паша, надо отрабатывать. Кровью и потом.

– Знаю.

– Тогда внимательно тебя слушаю. – Худoley сжал костистые свои ладошки и опустил голову, словно приготовился выслушать нечто кошмарное.

Пафнутьев взял наконец конверт со снимками, вынул их, просмотрел, снова сунул в конверт и положил на то самое место, где они лежали до этого. Снимки не вызвали в нем никакого интереса. Но эта маленькая пауза была ему необходима, мы часто отвлекаемся именно для того, чтобы сосредоточиться. Как бы освежаем мозги другими впечатлениями, чтобы уже освеженными снова вернуться к главному.

– Если она жива... Если она жива, – повторил он, чуть изменив интонацию, сделав ее как бы тверже, давая понять, что он и сам в это верит, – так вот если она жива, то находится где-то в параллельном мире.

– Так, – крикнул Худoley от неожиданности. – Будем обращаться к астрологам, колдунам, шаманам?

– Чуть попозже. Послушай меня, Валя, и не говори потом, что ты не слышал. Именно с этими словами древние глашатаи обращались к народу... Так вот, все пространство вокруг нас наполнено невидимыми, говоря точнее, неузнанными существами из других миров. Мы каждый день общаемся с ними, здороваемся, смотрим в глаза, интересуемся здоровьем, с некоторыми пьем водку, с некоторыми спим, некоторых даже любим.

– Говори, Паша, говори... Сквозь мистические наслоения я, кажется, начинаю улавливать твою хилую мысль.

– Не такая она уж и хилая, к тому же моя мысль крепнет с каждым словом. Света пришла из параллельного мира и туда же вернулась. Она должна была вернуться. Твой мир ей чужд. Я не утверждаю, что это так, но подобное не исключено.

– Разберемся, – пробормотал Худoley.

– Нисколько в этом не сомневаюсь. Так вот, мне кажется, она ушла к существам, которые ей ближе, или попросту не может их покинуть, они тянут к ней свои цепкие щупальца, и у нее не хватает сил, а может быть, и желания разорвать с ними окончательно. Или же нет возможности.

– О каких существах ты говоришь, Паша?

– Может быть, это наркоманы, может, проститутки, а это целый мир, параллельный нашему. Там свои законы, свои обычаи, нам непонятные и недоступные. Есть мир воров, там тоже свое. Время от времени мы пересекаемся, общаемся друг с другом, иногда проникаемся взаимной симпатией. Я частенько вижу существ из параллельных миров на том самом стуле, на котором ты сейчас сидишь. И знаю, что мне никогда не понять их печалей, радостей, вообще мне никогда не понять их до конца, как им не понять меня. Есть рассказ о том, как в марсианской пустыне на закате дня встретились два существа – человек и марсианин. И они увидели друг друга, хотя каждый казался другому полупрозрачным. Они шли на праздник, каждый на свой праздник. Перед каждым полыхали прожектора, взлетали фейерверки, слышались музыка и веселые голоса, но оба видели и слышали только свой праздник, только тот, на который торопился сам. Между ними были миллионы лет. Не так ли и мы с вами, ребята, не так ли и мы с вами? – грустно закончил Пафнутьев.

– Фигня, – сказал Худoley с какой-то скрытой угрозой. – Я ее найду. И она увидит мой праздник. А я увижу ее праздник. Огни, музыку и голоса. У нас будет общий праздник. Мы и тебя пригласим, если, конечно, будешь хорошо себя вести.

– У тебя поехала крыша, Валя. Но мне это нравится. Мне это знакомо. Начнем с квартиры. Квартир без следов хозяина не бывает – ты это знаешь не хуже меня.

– Квартира заперта, ключей не оставила, соседи ничего не знают, заявлений к участковому не поступало.

– Ничего, – решительно сказал Пафнутьев. – Пробьемся.

– Дверь стальная, – продолжал канючить Худoley. – Три замка, все разные, ключи тоже разные: то в виде пластиночки, то в виде штырька какого-то, а в одном месте даже карточку нужно вставлять пластмассовую...

– Не о том говоришь, Худoley, ох не о том! – Пафнутьев подошел к вешалке, нырнул в сырое еще пальто, надвинул на глаза клетчатую кепку, поднял воротник и вопросительно посмотрел на Худoley. – Мы как, идем? Или у тебя другие планы?

– Ну ты, Паша, даешь! – восторженно вскричал Худoley и унесся по коридору в свою каморку за жиденьким плащиком, за корявеньким зонтиком, за лыжной шапочкой с вязанным козырьком.

Дверь вскрывал слесарь из домоуправления – тощеватый парень со строгим, даже требовательным взглядом. Вызвал его участковый, к которому в самом начале и подошли Пафнутьев с Худoleyем. Он внимательно их выслушал, полистал замызганный свой блокнот, что-то почитал там, шевеля губами.

– Светлана Юшкова, говорите? Семнадцатая квартира, говорите? Знаю. Раньше у этой квартиры был другой хозяин. Бабуля там жила. Потом ее забрала к себе дочка, а квартиру продали. Вроде купила ее гражданка Юшкова. Или же кто-то купил для нее. Во всяком случае, она вселилась сразу после ремонта. Ничего девушка, смазливая.

– Смазливая?! – возмутился Худoley, но Пафнутьев тут же ткнул его локтем в бок.

– Вы не согласны? – удивился пухлогубый участковый. – Тогда у нас с вами разные вкусы. Девушка была в порядке.

– Была?! – опять взвился Худoley.

– Уж если ее ищет прокуратура, значит, в данный момент ее в наличии не имеется? Я правильно понимаю?

– Все правильно, – заверил участкового Пафнутьев. – В данный момент ее в наличии не имеется.

– Что-то ваш товарищ каждое слово воспринимает больно уж нервно, а?

– Эксперт, – ответил Пафнутьев. Дескать, с него и взять-то нечего, и объяснять тоже нечего – эксперт.

– А, – понимающе протянул участковый. – Тогда все понятно. Так вот, навещал я ее...

– Это в каком же смысле?! – Худoley явно не владел собой.

– По службе. Прописка, выписка... Опять же познакомиться хотелось. Деньги заплачены крутые – двадцать тысяч. Район у нас неплохой, этаж элитный, третий, кухня десять метров, а в однокомнатных квартирах кухни в десять метров встречаются нечасто. Лоджия опять же застекленная... Так что по цене квартира, по цене. Откуда деньги? Уж коли, сестрица, при красоте такой и петь ты мастерица, – участковый развел руками, давая понять, что дополнительные объяснения не требуются. – Вот и пожалуйста – жар-птица.

– Пропала жар-птица, – сухо вато сказал Пафнутьев. – Надо вскрывать дверь.

– Стальную дверь поставили сразу после покупки, – заметил участковый.

– Знаю, – кивнул Пафнутьев. – Будем вскрывать.

– Нет проблем, – сказал участковый и, набрав номер телефона, попросил позвать Женю. – Женя? – уточнил он. – Работа есть. Бери свой инструмент, будем вскрывать семнадцатую квартиру. Да, пропала красавица. Я тоже подозревал. Как видишь, мы оба смотрели на это одинаково. Состоялось, сбылось, свершилось. Да, прямо сейчас.

Весь инструмент слесаря состоял из одной громадной фомки, сработанной, по всей видимости, из хорошего такого, массивного лома. Один конец ее был изогнут, расплющен и раздвоен, а второй заострен.

– Может, того, лучше болгаркой? – предположил Худoley, на которого фомка в руках слесаря не произвела впечатления.

Слесарь не ответил, даже не оглянулся на эти пустые слова, даже плечом не повел. Просто как бы не услышал.

– Пусть так, – пробормотал Худoley и отступил назад, снимая с себя ответственность за позорище, которое слесарь сам себе уготовил.

Участковый тоже не услышал слов Худoley: что с него взять – эксперт. Пафнутьев только руками развел, извини, дорогой, но тут свои правила, свои хозяева. А слесарь тем временем, подойдя к двери, позвонил, на кнопку жал долго, прерывисто. Приложив ухо к клеенчатой поверхности, он вслушивался, не прозвучат ли в квартире шаги, голоса, какие-никакие звуки.

Нет ничего не прозвучало.

Но что-то все-таки слесаря насторожило, может быть, он и сам поначалу не понял, в чем дело, или, поняв, не хотел делиться подозрениями – его пригласили вскрыть квартиру, и больше от него ничего не требовалось. Но полностью скрыть свои подозрения не пожелал.

– У меня дурные предчувствия, – сказал он негромко, как бы между прочим.

– У всех дурные предчувствия, – ответил участковый, не придав словам слесаря никакого значения.

Не медля больше, полагая, видимо, что он произнес все необходимое в таких случаях, слесарь завел раздвоенный конец своей кошмарной фомки за металлический уголок двери и чуть поднажал. Как ни странно, но уголок, из которого и была сварена рама, подался. Послышался сухой шелест осыпающейся штукатурки, на площадку посыпались крошки раствора, а дверь, стальная, непоколебимая, призванная хранить хозяев от всех превратностей судьбы, пошатнулась, выдавая всю ненадежность железной своей сути. А слесарь тем временем завел раздвоенный конец фомки уже в нижней части двери, в полуметре от пола. Результат оказался точно таким же – шорох осыпающейся штукатурки. Уголок рамы легко, даже как-то охотно вышел из паза.

Не прошло и пятнадцати минут, как слесарь, последний раз заведя фомку за какой-то металлический выступ, сдавленно просипел:

– Держите дверь.

И действительно, не подхвати участковый с Худoleyем это сооружение, дверь бы с грохотом вывалилась на площадку. В последний момент на подмогу пришел Пафнутьев. Совместными усилиями они прислонили дверь к стене.

Вход в квартиру был открыт.

И только тогда все переглянулись, поняв наконец, что имел в виду слесарь, когда намекал на какие-то свои подозрения, – из квартиры потянуло запахом, от которого хотелось немедленно выбежать на свежий воздух.

– Мне кажется, там немного пахнет, – пробормотал участковый и шагнул в сторону, пропуская вперед Пафнутьева.

Худoley побледнел и тоже отшатнулся от двери, не решаясь войти первым.

– Ну, что ж, придется мне, – пробормотал Пафнутьев, перешагивая порог. Как обычно бывало с ним в таких случаях, он внутренне сжался, каждый шаг давался с трудом – не мог Пафнутьев привыкнуть к зрелищам, которые обычно бывают в квартирах с трупным запахом, не мог. Когда была возможность, он уваливал от подобных впечатлений, но сейчас ему просто некуда было деваться – не Худoley же посылать вперед, не участкового, не слесаря, в конце концов.

И он шагнул сам.

– Дела, – протянул Пафнутьев озадаченно.

Это первое его слово оказалось единственным.

Обнаженный женский труп лежал на полу у дивана. Смерть, видимо, наступила несколько дней назад, это Пафнутьев определил по многим признакам. Стараясь не всматриваться в подробности, он прошел через комнату, отдернул шторы, распахнул окно. Обернувшись, увидел, что Худолей стоит над трупом в каком-то оцепенении. Подняв голову, он посмотрел на Пафнутьева, молча указывая рукой на лежащий труп.

– Ни фига себе! – сказал участковый почти весело. – Да это же не она, не Юшкова. Хотя кто знает, может, после смерти люди меняются, а? Эксперт, что скажешь?

– Паша, это не Света, – сказал Худолей.

Сильным сквозняком из распахнутого окна в высаженную дверь выдуло трупный запах, и стало можно дышать.

– Ну что ж, – сказал Пафнутьев. – В таком случае приступай к своим обязанностям.

– Не могу, Паша, я же ничего с собой не взял.

– Это плохо, – сказал Пафнутьев невозмутимо. – Так нельзя.

Женщина лежала на паласе кверху лицом, глаза ее были открыты, и это было, наверное, самым жутким во всей квартире. Взгляд мертвой женщины казался осмысленным, живым, но кровавая рана на шее ниже уха не оставляла никаких сомнений.

И самое странное – в мертвой руке женщины был зажат нож, причем держала она его за лезвие. В подарочном исполнении он и сейчас казался нарядным, отполированное лезвие блестело в местах, не залитых кровью.

– Я знаю этот нож, – сказал Худолей. – Пользовался иногда. Но для кухонных надобностей такие ножи не годятся – слишком острые.

– А ты им что делал?

– Колбасу резал, яблоки, хлеб. А здесь, похоже, сонная артерия перерезана.

Участковый диковато смотрел на Худолея, ничего не понимая. В конце концов он, видимо, решил, что Пафнутьев привел с собой подозреваемого и тот сейчас, попросту говоря, колется. Стараясь не привлекать к себе внимания, участковый медленно сдвинулся в сторону, попятился и стал у входа в прихожую, перекрыв возможный путь бегства убийцы. Поймав взгляд слесаря, он кивнул ему: дескать, и ты становись рядом, мало ли чего.

– Ты ее знаешь? – спросил Пафнутьев.

– Не могу сказать твердо... Вроде видел как-то... Я к Свете пришел, а у нее сидела подруга... Может быть, эта самая...

– Тут явные следы борьбы, – Пафнутьев обвел взглядом комнату. На полу валялись осколки разбитой чашки, лежала початая бутылка с остатками вина, опрокинутый стул был отброшен к окну, в зажатой руке убитой женщины был окровавленный лоскут не то платья, не то ночной рубашки. – Твоя Света, – Пафнутьев исподлобья посмотрел на Худолея, – темпераментная девочка?

– В самый раз, – холодно ответил Худолей.

– Это хорошо, – одобрил Пафнутьев.

– Есть мысли, Паша?

– Понимаешь, Валя, женское убийство какое-то... Нож в шею, причем нож хорошо тебе знакомый, заточенный гораздо лучше, чем это требуется для кухонных надобностей...

– Мужчины так не убивают?

– По-всякому бывает, сам знаешь. Но вот так... Мужчины бьют бутылкой по голове, душат чулками и колготками, выбрасывают из окон, в сердце бьют ножом, в спину... Квартиру поджигают, газ взрывают... Опять же бутылка недопитая... Посмотри, она лежит на боку, а в ней еще вина не меньше трети осталось... Мужчины обычно выпивают до дна, такая у них

привычка, они к выпивке относятся более ответственно. Конфетные обертки вокруг... Мы их фантиками называли. Ты когда-нибудь собирал фантики?

– Собирал, – кивнул Худолей. – Моя коллекция до сих пор цела. Приходи, покажу.

– Приду обязательно. Смотри... Из выпивки – вино, да и то недопитое, из закуски – конфеты, трюфели называются, хорошие конфеты, из дорогих. И вино не самое плохое, каберне, да еще и не наше... Кстати, у нее, – Пафнутьев кивнул в сторону трупа, – в руке обрывок какой-то женской одежды. Тебе не знаком этот лоскут?

– Знаком.

– Ты раньше где-нибудь видел эту ткань в мелкий голубой цветочек? Незабудками их называют.

– Да, это незабудки, – каким-то мертвым голосом проговорил Худолей.

– Валя, мой вопрос в другом... Ты видел эти незабудки раньше?

– Паша, я ведь уже ответил – видел.

– Где? На ком? Когда?

– На Свете.

– Блузка?

– Нет, ночная рубашка.

– Представляю, – негромко проворчал Пафнутьев, но Худолей услышал его слова.

– Что ты, Паша, представляешь?

– Как она выглядела в этой рубашке.

– И как она выглядела?

– Потрясающе.

– Ты прав, Паша.

Пафнутьев походил по комнате, заглядывая в шкафы, под диван, встав на стул, раскрыл дверцы антресоли, осмотрел ванную, а возвращаясь в комнату, наткнулся на бестолково замерших у двери участкового и слесаря.

– А, вы еще здесь... Тогда поступим так... Я сейчас составлю протокол, отражу в нем все, что мы увидели, услышали, унюхали... Вы подпишете, а потом мы с Худолеем прибудем сюда уже для более внимательного осмотра – с инструментом, бригадой, увеличительными стеклами. Да, Валя?

– Как скажешь, Паша.

– А скажу я вот что... Я здесь не увидел чемодана, дорожной сумки или хотя бы авоськи. Света вышла из этой квартиры, рассчитывая вскоре вернуться? Или же она бежала, прихватив необходимые вещи? Другими словами... Она уходила, оставляя труп за спиной, или же труп появился позже и без ее участия?

– Я уже думал над этим, Паша... Она ушла, прихватив все необходимое. Все эти тюбики-шмубики, трусики-шмусики, платья-шматья и так далее.

– Значит, оставила за спиной труп.

– Получается, что так, – уныло согласился Худолей.

– И еще одно... Посмотри, нож зажат в руке этой несчастной, она держит его за лезвие.

Как это могло получиться?

– Паша, – беспомощно проговорил Худолей, – я не знаю.

– Ей нанесли удар, собирались нанести еще один, но она, схватив нож за лезвие, сумела его вырвать из рук убийцы... Такое течение событий ты допускаешь?

– Не исключено, – в голосе Худолея появилось усталое безразличие. Он отвечал на вопросы, высказывал приходящие на ум предположения, но обычного азарта не было, он словно выдавливал из себя слова, чтобы хоть что-то отвечать Пафнутьеву. – Паша. – Худолей помолчал. – Освободи меня от этого дела... Да я, видимо, и не имею права им заниматься... По причине личной заинтересованности.

– Похоже на то, – согласился Пафнутьев. – Но я тебя не отстраняю. Более того, у тебя появляется уйма времени, чтобы заняться только этим. Без необходимости отчитываться в каждом своем поступке и решении.

– Понял, – кивнул Худолей.

– Кстати, а где остатки рубашки с незабудками? – Пафнутьев еще раз обвел комнату взглядом.

– Я их тоже не вижу. – Худолей уже все осмотрел в поисках злополучной ночной рубашки.

– Видимо, с собой прихватила. А вырвать из мертвой руки окровавленный лоскут не решилась.

– Видимо, – сказал Худолей.

Тут же, не выходя из комнаты, Пафнутьев позвонил в свою контору и вызвал эксперта, фотографа, санитаров с носилками и прочими приспособлениями.

Участковый со слесарем, не выдержав зрелища и запаха, тихонько пятясь, как бы извиняясь, что оставляют Пафнутьева с Худолеем в столь неприятном месте, вышли из квартиры, спустились по лестнице, не решаясь даже вызвать лифт, словно грохот железной кабины осквернял скорбную тишину. Выглянув в окно, Пафнутьев увидел, что оба они сидели недалеко от подъезда на скамейке и, похоже, прекрасно себя чувствовали на свежем весеннем ветре, выталкивая из себя зловонный воздух, которым пропитались, пока находились в квартире.

Пафнутьев с Худолеем тоже вышли во двор и в ожидании опергруппы расположились на соседней скамейке.

– Прекрасная погода, не правда ли? – преувеличенно громко спросил Пафнутьев, сознательно нарушая печальное молчание.

– Да, что-то есть, – согласился участковый, маясь от необходимости отвечать.

– В прошлом году весна была поздняя, в это время еще снег лежал, – продолжал Пафнутьев. – А в этом году снега уже нет, похоже, и не будет.

– Скорее всего. – Участковый был растерян и даже, кажется, оскорблен столь пустым словоблудием.

– Весна нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь, – продолжал Пафнутьев. – И каждый вечер сразу станет вдруг удивительно хорош.

– Пойду к себе загляну. – Участковый поднялся и, не выдержав истязания начальственным куражом, прямо по лужам зашагал к соседнему дому.

Пафнутьев и Худолей проводили его взглядами. Похоже, участкового они и не видели, они все еще находились в комнате на третьем этаже, где лежала распластавшись девушка с темными волосами, раскрытыми глазами и трупными пятнами. Когда Пафнутьев говорил о весне, которая нечаянно может нагрянуть в самый неподходящий момент, о прошлогоднем снеге и удивительно хорошем вечере, Худолей его прекрасно понимал – Пафнутьев не слышал своих слов, они просто вытекали из него неосознанно, как вода из сломанного крана.

– Она нездешняя, – произнес наконец Пафнутьев.

– Кто? – Худолей нехотя повернул голову.

– Она, – Пафнутьев показал взглядом на окна третьего этажа. – С Украины или из Молдавии. Скорее, с Украины. Молдаванки другие.

– С чего ты взял?

– Из какого-нибудь промышленного пригорода... Донецк, Запорожье, Днепропетровск...

– Павел Николаевич! – В голосе Худолея послышались живые нотки.

– У нее длинные ногти с серебристым отливом. Такие бывают у людей, которые ведут светский образ жизни. И при таких изысканных ногтях – натруженные руки. И пятки.

– Что пятки?

– Деревенские. Не успела еще отпарить, отскоблить, отдраить. На Украине такие пятки называют порепанными. Впрочем, не исключено, что она из какого-нибудь маленького городка. Жила на земле, ходила с ведрами за водой, весной сажала картошку, а осенью собирала урожай.

– Это все можно сказать по ее пяткам?

– Пятки – это второе лицо человека. Только более искреннее. Пятками не слухавишь, не состроишь лживую гримасу. Пятки, Валя, откровенны и простодушны. Ты давно видел свои пятки? Давно с ними общался?

– Не помню... Как-то на море был... На пляже о бутылочное стекло порезал. Вот тогда и общался.

– Как впечатление?

– Пятка мне не слишком докучала, там же, на море, и зажила. С тех пор мы не встречались. Я делал свое дело, она – свое. Мы забыли друг о друге. Но знаешь, Паша, предположение насчет Украины довольно рискованное.

– А я и не настаиваю. Делюсь с тобой, как с человеком почти посторонним, в деле не участвующим по причине личной заинтересованности. Поболтали и забыли.

– Хотя... – произнес Худолей вразяжку и замолчал, уставившись взглядом в ветреное весеннее пространство, наполненное домами, голыми деревьями, машинами и гаражами. – Как-то в разговоре со Светой мелькнуло это словцо – «Украина», мелькнуло все-таки... И было это не так уж давно, не так уж давно, не так уж...

– Следы всегда остаются, – невозмутимо проговорил Пафнутьев. – Темные волосы, вишневые глаза, крепенькая фигурка, порепанные пятки... Все это толкает мою беспокойную мысль в южном направлении. А вот и наши приехали, – проговорил Пафнутьев, поднимаясь с сырой скамейки. – Быстро собрались. Ты как, с нами, или у тебя свои планы, дела?

– Побуду пока. Вдруг пригожусь, вдруг понадобится... Все-таки я бывал в этой квартире, правда, в другие времена, более счастливые.

– Не возражаю, – Пафнутьев направился к машине, из которой уже вылезали оперативники. Соседи, пронюхавшие, или, лучше сказать, унюхавшие суть случившегося, скорбной стайкой стояли в стороне, о чем-то переговаривались, на приехавших смотрели с опасливым интересом, и было все это Пафнутьеву до боли знакомо.

Каждый раз приближаясь к владениям патологоанатома, Пафнутьев маялся и даже, кажется, жалобно поскуливал про себя от неизбежности этого визита. Не любил он бывать в этом сыром, с громадными каменными плитами помещении. Плиты служили подставкой для трупов, сделаны были с выемкой, чтобы не вытекало на пол все, что обычно вытекает при вскрытии. Он с интересом, увлеченно и азартно разговаривал с убийцами, насильниками, маньяками – они, несмотря ни на что, были живыми людьми со своими желаниями, надеждами, страстями. В морге же он видел лишь бессловесных мертвецов, облик которых выражал только одно: укор. Молчаливый, неназойливый укор.

Весна бурлила, солнце полыхало в полнеба, бликующие ручьи набирали силу, женщины обнажали шеи и коленки, а Пафнутьев вроде и видел все это, но в то же время проникнуться и насладиться торжеством оживающей природы не мог. Он даже становился меньше ростом, заранее съеживаясь от впечатлений, которые его ожидали.

Но шел. А куда деваться? Надо.

– Здравствуйте! – сказал он нарочито громко, голосом стараясь разрушить, взломать эту мертвенную тишину. Он произнес приветствие, едва открыв дверь в фанерный кабинетик, выкрашенный голубоватой масляной краской.

Патологоанатом поднял голову, поправил на носу толстые зеленоватого, чуть ли не бутылочного стекла очки, за которыми плавали глаза, напоминающие каких-то живых существ.

– А, – личико анатома сморщилось в гримасе, отдаленно напоминающей улыбку. – Рад приветствовать. Что хорошего в нашей быстротекущей жизни?

– Течет, – Пафнутьев развел руками.

– Течет или вытекает? – уточнил человек в белом халате и с жилистыми натруженными руками.

– Вопрос, конечно, интересный, – озадаченно протянул Пафнутьев, изумляясь неожиданному повороту мысли собеседника. – Действительно, ведь жизнь может и вытекать!

– И как! – подхватил анатом. – Иногда мне кажется, что она только этим и занимается.

– Кто?

– Жизнь. Ведь мы с вами говорим о жизни. – Зеленоватые существа за толстыми стеклами очков остановились, замерли, рассматривая Пафнутьева не то с интересом, не то с настороженностью. Впрочем, настороженность – это тоже интерес.

– Ах да, я и забыл, – смутился Пафнутьев. – Заведение у вас своеобразное, поэтому, направляясь сюда, я уже как бы готовлюсь говорить только о смерти. Простите, конечно, за бестолковость. Со мной бывает.

– Смерть – это разновидность жизни, ее продолжение, логическое, разумное, необходимое завершение. Поэтому никакой бестолковости в ваших словах я не уловил. В них мудрость и понимание сути вещей. Но в то же время смерть есть тайна великая и непознаваемая.

– Да, наверное. – Пафнутьев уже прикидывал, как бы ему незаметнее перейти к делу. – Где-то я уже слышал эти слова.

– Возможно, от меня и слышали?

– Не исключено. Цель моего появления здесь... – Пафнутьев замялся, но его собеседник все понял и охотно подхватил его робкий намек:

– Понимаю, вы интересуетесь этой слегка подпорченной девушкой. Я вас понимаю, девушка интересная. Но тело слишком долго находилось в неподобающих для его состояния условиях.

– Да-а-а? – протянул Пафнутьев, ничего не поняв из сказанного. – Простите, а о каком состоянии и о каких условиях вы говорите?

– Состояние у нее было далеким от живого, другими словами, девушка была мертва. А что касается условий, то мертвые тела требуют особого обхождения. Главное, конечно, температура. Для тела, о котором мы говорим, температура оказалась слишком высокой. И тело не выдержало, начало портиться, терять свой... Я не хочу сказать – товарный вид... Скажем, приличествующий вид. Если вас это устроит.

Пафнутьев в ответ лишь тяжело вздохнул – его устраивало все, что угодно, лишь бы это хоть немного касалось дела.

– Кстати, уважаемый Павел Николаевич, говоря об подпорченности, я имел в виду не только состояние тела.

– Что же еще?

– При жизни она была, видимо, не совсем нравственным человеком. Ей были свойственны некоторые недостатки.

– Так, – протянул Пафнутьев, проникаясь смыслом сказанного.

– Она страдала болезнью, которую принято называть нехорошей. Хотя, конечно, вы можете меня поправить, сказав, что хороших болезней вообще не бывает. Но, надеюсь, вы понимаете, что именно я хочу сказать.

– Вполне, – заверил Пафнутьев, приложив ладонь к груди, чтобы у этого странного человека, не решающегося произнести вслух название нехорошей болезни, не оставалось сомнений. – В полной мере.

– Вот и хорошо, – с облегчением проговорил анатом, но тут же снова озаботился. – Да, вот еще... Как бы это вам сказать, чтобы вы смогли понять правильно... Дело в том, что... Видите ли, ее иногда кусали.

– В каком смысле? – отшатнулся Пафнутьев.

– В самом прямом. Зубами.

– Получается, что она в какой-то степени покусанная?

– В значительной.

– И как это можно объяснить?

– Мне кажется, если, конечно, я не ошибаюсь... Некоторые люди так ведут себя при совокуплении. Это придает им дополнительные ощущения. Так вот, эта девушка, видимо, вызвала у мужчин вышеназванные порывы.

– Так, – сказал Пафнутьев. Он услышал то, что и предполагал услышать. Изысканный маникюр при натруженных руках, алый педикюр при порепанных пятках могли говорить только об одном – девушка действительно приехала на заработки особого свойства. А если ее еще и покусывали, причем покусывали так, что даже на подпорченном трупе это можно увидеть... То нетрудно себе представить, в каких кругах она вращалась.

– Я вас огорчил? – спросил патологоанатом.

– Ничуть, – быстро ответил Пафнутьев. – Можно даже сказать, порадовали.

– Я, конечно, понимаю, что это радость...

– Со слезами на глазах?

– Нет, дело в другом. Я ожидал чего-то подобного. Скажите, ее убили ножом? Так? Мой вопрос в следующем – могла ли такой удар нанести женщина?

– Ее убили ударом по голове. А нож... Нож был уже потом.

– Да-а-а? А на наших снимках она держит нож в руке, причем за лезвие... И мне казалось, что она в последний момент вырвала нож из руки убийцы.

– Такого не было, – сказал анатом и опустил глаза, будто ему стало совестно за свои слова. – И быть не могло. Судя по ране, нож был очень острым.

– Да, это я могу подтвердить.

– А на ладони нет ни царапины. Чтобы вырвать подобный нож подобным образом... Ладонь была бы разрезана до кости.

– Значит, удар по голове чем-то тупым и тяжелым, а потом уже ножом по шее?

– Во всяком случае, порядок действий был именно таков.

– Значит, инсценировка.

– Сие есть тайна великая и непознаваемая. От мертвых никаких неожиданностей ожидать не следует, а вот с живыми сложнее. Мне иногда кажется, что они только тем и заняты, что устраивают друг другу всевозможные неожиданности.

– Я тоже с этим сталкиваюсь постоянно, – сказал Пафнутьев и подумал, что ему есть чем порадовать Худолея – тот последнее время совсем захирел и все больше оправдывал свою бестолковую фамилию.

– Чрезвычайно этому рад.

– Ну, что ж, – Пафнутьев поднялся. – Я вам очень благодарен, вы мне помогли, развеяли сомнения и колебания, можно сказать, указали верную дорогу. – Пафнутьев чувствовал, что говорит не свои слова, они ему самому казались казенными, такие обычно произносятся на юбилеях, но в то же время он понимал, что именно эти слова более всего понятны стыдливому патологоанатому.

– Спасибо. – Существа за зеленоватыми стеклами очков патологоанатома увлажнились после слов Пафнутьева. – Если мне действительно удалось вам помочь, то я чрезвычайно этому рад, – повторил он. – Да, и еще одна маленькая подробность... Вполне возможно, она пока-

жется вам не лишней... Женщина, о которой мы с вами сегодня говорили, она... Она, видите ли, слегка беременна. Была.

– Слегка – это как?

– Я имел в виду, что срок беременности не слишком большой, три месяца, так примерно.

– И при этом покусанная, – пробормотал Пафнутьев.

– Это и меня огорчило. Мне кажется, у нее была тяжелая жизнь. И впереди ожидали испытания.

– Кто-то избавил ее от этих испытаний.

Не задерживаясь больше, Пафнутьев покинул сыроватое помещение морга, стремясь побыстрее выйти на солнечное пространство улицы, по которой неслись машины, разбрызгивая весенние лужи, торопились люди, не всегда нравственные люди, не всегда здоровые, нередко с преступными намерениями, люди, которые пили водку, ругались матом, блудили и воровали, предавали и подличали, но Пафнутьев был счастлив выйти к этим людям, потому что, несмотря на все свои недостатки, они оставались живыми, хотели и стремились. К любому из них Пафнутьев мог подойти, что-то сказать, что-то услышать в ответ и почувствовать, что он тоже пока еще жив, пока еще чего-то хочет, к чему-то стремится.

На этом месте можно было бы завершить главку, но поскольку страничка оказалась незаконченной, автор решил этим воспользоваться, чтобы пояснить одну наспех высказанную мысль. Когда Пафнутьев подумал, что ему есть чем порадовать Худолея, он имел в виду новые вскрывшиеся обстоятельства убийства, позволявшие усомниться в причастности красавицы Светы к преступлению. Впрочем, об этом достаточно подробно Пафнутьев с Худолеем еще поговорят, обсудят все те подробности, сообщать которые сейчас преждевременно.

Состояние беспомощности охватывало Пафнутьева каждый раз, когда на него сваливалось очередное преступление. Он уныло перебирал снимки, сделанные на месте происшествия, вспоминал то, что удалось увидеть самому, перечитывал бестолковые донесения оперативников. За годы он настолько привык к такому началу, что другого не ждал и почти не огорчался, понимая, что это норма. Рассчитывать на какие-то счастливые находки, которые сразу бы все поставили на свои места... Нет, на подобное может надеяться только новичок. Преступники тоже листают всевозможные кодексы, разъяснения к ним, детективы почитывают, ведут себя более или менее грамотно, ошибок грубых, очевидных и смешных почти не совершают.

Да, это приходится признать – ошибок с их стороны становится все меньше. И про отпечатки пальцев они помнят, знают, что губы и уши тоже имеют свои неповторимые узоры, по которым легко установить, чье ухо было последний раз прижато к телефонной трубке, чьи губы отпечатались на визитной карточке, оконном стекле или хрустальном фужере. Да что там уши или губы – плюнуть лишний раз убийца поостережется, понимая, что оставленный на полу плевок – это почти отпечаток пальца.

Пафнутьев в который раз перебрал снимки, сделанные в квартире Юшковой, снова всмотрелся в лицо мертвой женщины, в ее раскрытые глаза, но ничто не зацепило его, ничего не пришло на ум, а все сведения об этом человеке ограничивались словами патологоанатома – сие есть тайна великая и непознаваемая.

– Ладно... – пробормотал Пафнутьев. – Скажите пожалуйста, какая она непознаваемая! И в этот момент зазвонил телефон.

– Ну и что? – спросил Шаланда вместо приветствия. – Как ты к этому относишься?

– Положительно.

– В каком смысле? – насторожился Шаланда, сразу почувствовав, что отвечает Пафнутьев не в тон, а потому наверняка затевает очередную издевку и нужно быть очень осторожным, чтобы не вляпаться в заготовленную ловушку, а то, что Пафнутьев постоянно готовит ловушки для него, для Шаланды, полковник милиции нисколько не сомневался.

– Надо соглашаться. Такие предложения бывают нечасто, – серьезно отвечал Пафнутьев.

– Паша, о каких предложениях речь? Не получал я никаких предложений! – Шаланда помолчал, ожидая, что Пафнутьев сам пояснит, что имеет в виду, но тот садистски молчал. – Так о чем речь, Паша? – Врожденное любопытство Шаланды не позволило ему забыть о глумливых словах Пафнутьева.

– Предложение, можно сказать, совершенно непристойное.

– Тогда я о нем и слышать ничего не желаю! Что ты думаешь об убийстве? Ты ведь уже включился, как я слышал?

– Убита молодая красивая женщина. Причем совершенно зверским способом – ударом по голове...

– Чем нанесли удар?

– Тяжелым тупым предметом.

– А мне доложили, что ножом! – Шаланда начал раздражаться – Пафнутьев явно куражился, а кроме того, Шаланда не мог вот так просто забыть о предложении, которое упомянул Пафнутьев. Что-то стояло за его словами, причем, как казалось Шаланде, имеющее прямое отношение к нему.

– Ну, что я могу сказать... Убили все-таки тяжелым предметом, может быть, запасенным кирпичом, завернутым в газету, например, или в целлофановую сумочку... А потом для верности полоснули ножом по шее, повредили сонную артерию.

– Да, действительно, – механически согласился Шаланда, услышав в голосе Пафнутьева озабоченность, даже потрясенность. – Но почему она голая?!

Пафнутьев протяжно вздохнул, давая понять, как тяжело ему говорить об этих кошмарных подробностях, помолчал, шумно налил в стакан воды, чтобы Шаланда это слышал, выпил и лишь после этого продолжил:

– Дело в том, Шаланда, что она не просто голая, она еще и беременная.

– Это что же получается, двойное убийство?!

– Шаланда, она еще и немного больная.

– Что же у нее болит?

– У нее уже ничего не болит, как ты догадываешься. Но вроде бы болезнь ее была... Как бы это сказать, чтобы ты не обиделся... Нехорошая болезнь.

– А почему я должен обидеться? – обиделся Шаланда.

– Ну, мало ли... Может, у тебя свое отношение к подобным вещам, может, слова покажутся циничными и ты не одобришь мои суждения.

Все это звучало уважительно, достойно, и Шаланда немного отошел, успокоился. Пафнутьев, похоже, всерьез взволнован случившимся, и разговор у них получается ответственным. Шаланда любил такие разговоры.

– Знаешь, Паша, что меня больше всего беспокоит? Я не могу понять, почему она была голая.

– Как почему? – слегка растерялся Пафнутьев от искренней доверчивости Шаланды. – Бывают случаи, когда люди раздеваются, и даже догола... Некоторую работу лучше выполнять именно в голом виде.

– Какую работу? – не понял Шаланда.

– Интимную.

– А, ты опять за свое! Видишь ли, Паша, может быть, ты не слишком внимательно осмотрел ту квартиру... Дело в том, что там нет ни одной одежды этой женщины. Понимаешь? Не нагишом же она пришла.

– Видимо, убийца унес с собой.

– Думаешь, ограбление? Больно круто для ограбления... Убийство, нож, артерия... И все для того, чтобы взять поношенные штотки? И потом штотки – это видимость. Главное наверняка в другом. Наркотики, например.

– Нет, Шаланда... Вряд ли это ограбление. Убийца унес с собой одежду, чтоб мы не смогли ее опознать. Если не знаем, кто убит, то и убийцу не найти.

– Ты, Паша, не поверишь, но мне удалось установить такое... Такое... Ты просто схватись за голову!

– Говори! Уже схватился!

Слова Пафнутьев опять произнес несерьезные, и Шаланда помолчал, преодолевая обиду.

– Помнишь объячевское дело? Помнишь красавицу, вокруг которой ты носился, как петух в курятнике? Помнишь?

– Ты хочешь сказать, что это ее убили?

– Нет, Паша, ошибаешься... Она убила.

– Этого не может быть, – твердо произнес Пафнутьев.

– Почему, Паша? – ласково спросил Шаланда. – Почему?

– Потому что этого не может быть никогда.

– Очень убедительно. Паша, она сбежала после убийства. Соседи не видели ее несколько дней. Как раз со времени убийства, с того самого дня, ее никто и не видел. А нож, который держала в руке несчастная жертва, это ее нож, Паша, он принадлежал Юшковой. Соседка его опознала. Это узбекский нож. Широкое лезвие, узкая ручка, арабская вязь. Знающий человек мне сказал, что у них принято на лезвие наносить изречение из Корана.

– Думаешь, азиатский след? – серьезно спросил Пафнутьев.

– Азиатский? – В этот момент Пафнутьев, кажется, даже увидел плотного Шаланду в тесноватом кителе, застегнутом на все пуговицы, увидел, как от его вопроса тот прямо-таки осел в своем кресле. – А что... Как знать, как знать. У Юшковой бывали смуглые ребята, захаживали, как говорится. Я понимаю, тебе не хочется верить в то, что столь роскошная бабенка оказалась замешанной в убийстве, но, Паша, это ведь не первое огорчение в твоей жизни и, наверное, не самое сильное, а? Не переживай, Паша, – Шаланда пожалел своего собеседника за бестолковость и человеческую слабость. – Многое проходит в жизни, пройдет и это... Как бы там ни было, но я уже объявил Юшкову в розыск. Не думаю, что ей удастся скрываться слишком долго: девица яркая, не сможет она жить в подполье.

– А что касается убитой... Твои ребята ничего не выяснили? Кто она, откуда, как оказалась в этой квартире, бывала ли там раньше, в каких отношениях со Светой?

– Вот Свету, как ты ее называешь, задержим, она нам все и расскажет. Без утайки. Знаешь, чьи отпечатки пальцев на рукоятке ножа? Знаешь, Паша? – повторил Шаланда в ответ на затянувшееся молчание Пафнутьева.

– Знаю, – кивнул Пафнутьев. – На рукоятке ножа отпечатки пальцев Светы Юшковой. И это мне не нравится.

– Как я тебя понимаю, как я тебя понимаю, Паша! – хохотнул Шаланда в трубку, и этот его короткий, уверенный смешок не понравился Пафнутьеву. Какой-то второй смысл прозвучал в этом смехе, смысл, который затрагивал Пафнутьева уже не по должности, как бы лично цеплял. – Извини, если что не так, – спохватился Шаланда. – Я чувствую, огорчили тебя мои находки?

– Находки – ладно, нашел и нашел, подумаешь...

– Паша, я ведь с некоторыми соседками поговорил, они толпились там у подъезда, когда я подъезжал... Так вот, у этой Юшковой, оказывается, хахаль был довольно интересный, она соседкам хвалилась своим хахалем. И работал он чуть ли не в прокуратуре, во всяком случае, Юшковой представлялся прокурорским работником, представляешь?

– Кошмар какой-то, – вяло откликнулся Пафнутьев.

– Они описали мне его... Невзрачный такой мужичонка, в вязаной шапочке, вечно с сумкой на «молнии»... Цветочки Юшковой приносил, представляешь?

– Надо же...

– А ведь его нетрудно вычислить, если он, конечно, в самом деле в твоей конторе работает.

– Уже вычислил.

– И кто же это? Ты его знаешь?

– И ты тоже.

– Я теряюсь в догадках, Паша!

– Не надо теряться, Жора, в догадках, и вообще в жизни теряться не надо. Фамилия человека с цветочками – Худoley. Эксперт, фотограф, твой лучший друг.

– Мой?! Паша, мой друг?!

– Не торопись, Жора, так быстро отречься... Не надо. В жизни все меняется, и гораздо чаще, чем кажется, гораздо круче и необратимее.

– Но в таком случае Худoley не имеет права заниматься этим делом! Его надо отстранить! Он должен знать, где Юшкова скрывается, где отсиживается, а? Ты у него спрашивал?

– Не знает.

– Ох, лукавит, Паша, ох, лукавит! Любовь зла, полюбишь и козла.

– Тогда уж козлицу, – поправил Пафнутьев. – А во-вторых... Я вот только сейчас прикинул... На каком основании отлучать его от дела? Юшкова ему не жена, он ей не муж, они не состоят ни в каких родственных связях, у них нет общих детей, общего имущества... Он знаком с подозреваемой? Ну и что? Ты вот тоже знаком с подозреваемой. И я, помнится, провел с ней ночь... Правда, ночь оказалась позорно целомудренной, но она была ведь, ночка-то, а? А ты в машине с ней ездил, домой подвозил, ручкой своей махал приветственно, а?

Шаланда молча сопел, потрясенный неожиданным поворотом пафнутьевской мысли, обвинением, от которого он не мог вот так просто отмахнуться, как от очередного розыгрыша. Все, что сказал Пафнутьев, было чистой правдой. Он выстроил такие подлые слова и в таком подлом порядке, что вина Шаланды проступала даже с некоторой юридической убедительностью.

– Ну, ты, Паша, даешь, – пробормотал Шаланда оскорбленно. – Я от тебя подобного не ожидал. Прокурором тебе, Паша, надо работать, а не следователем.

– Прокурорство от меня не уйдет, но в этом деле подзадержусь следователем. Я ведь почему все это тебе сказал? – Глушливый свой тон Пафнутьев опять сменил на уважительный и даже подобострастный. – Я посоветоваться с тобой хотел, как с человеком опытным, знающим... Может, все-таки мы оставим Худoley в деле, он знает Юшкову побольше нас с тобой, полезным оказаться может, как ты думаешь, Жора?

– А что, – немедленно откликнулся на лесть Шаланда, – человек он проверенный, много раз показывал себя с наилучшей стороны, у него и заслуги есть... Достижения. Он может пользу принести, Паша.

– Как скажешь, Жора, как скажешь... Мне важно было услышать твое мнение. Спасибо, Жора, – и Пафнутьев положил трубку, прекрасно представляя себе, какое гневное выражение приобретает лицо Шаланды в эти самые секунды. Ведь последними своими словами Пафнутьев как бы переложил всю ответственность на него, получается, он просто выполнил его просьбу оставить Худoley.

И действительно, услышав в трубке короткие гудки отбоя, Шаланда поперхнулся, бросил мелко попискивающую трубку на рычаги, оглянулся по сторонам – на кого бы выплеснуть свою обиду, на кого бы сбросить гнев, но никого в кабинете не было. Сжав громадный свой кулак, он повертел его перед глазами, осматривая со всех сторон, и опустил на стол с такой силой, что из невидимых щелей выползли маленькие облачка пыли от многочисленных милицейских

протоколов, побывавших в разные годы в тумбочках и ящиках безразмерного шаландинского стола.

Пафнутьев звонил по телефону, с кем-то договаривался о встрече, запрашивал документы, выслушивал чьи-то анекдоты, рассказывал свои, и все это время в углу, у маленького столика в затертом кресле сидел Худолей и безучастно смотрел в окно. Там, во дворе, колыхались на ветру голые ветви деревьев, в небе тяжело проплывали сырые тучи, доносились какие-то голоса, но и их он тоже не слышал. Увидев, что Пафнутьев вернулся из морга, Худолей рванулся к нему в кабинет за новостями, но оказался нехстати, поскольку начался послеобеденный телефонный перезвон. Он уже хотел было уйти, но Пафнутьев остановил его и молча указал на кресло в углу.

Худолей послушно сел, взял журнал с голыми красавицами. Да, настали времена, когда в каждой конторе на столике лежит тот или иной журнал с голыми. Не потому, что покупали только такие журналы, нет, причина в другом – все журналы печатали голых в полной уверенности, что это и есть свобода печати, что именно это уберезит издателей от краха скорого и неминуемого. Перевернув одну, вторую страницу, Худолей со стоном отодвинул затертый журнал в сторону – не было никаких сил смотреть на заgrimированные ноги, призывные улыбки, подсвеченные груди и прочие мясы.

Да, ребята, да!

В таком количестве, как и на любом нудистском пляже, самые прекрасные тела воспринимаются мясом. Хотя Вовушка со мной и не согласится. После кошмарных впечатлений в юшковской квартире у Худолея просто не было сил на все это смотреть.

– Паша! – не выдержал Худолей. – Откуда у тебя этот журнал?

– Наверное, кто-то принес. Может, подарил, а может, в качестве взятки. Взятки, знаешь, разные бывают... Один мне попался – жену свою начальству подсовывал.

– И что?

– Похоронили.

– Кого? Жену? Начальника?

– Мужа похоронили. Зарезала баба. Насмерть.

– И правильно сделала.

– Так-то оно так, – вздохнул Пафнутьев. – Но ей эта справедливость обошлась в шесть лет.

– Мог бы и помочь несчастной.

– Помог, как мог, – Пафнутьев развел руками. – Если будет хорошо себя вести, через два года выйдет на свободу. Ну, ладно, это все в прошлом. Тебя интересуют свежие новости из морга. Я правильно понимаю?

– Да, – кивнул Худолей. – Меня интересуют новости из этого скорбного заведения. Если там вообще может быть что-то свежее.

– Новости хорошие, – Пафнутьев прижал ладони к столу и твердо посмотрел на Худолея.

– Девушка ожила?

– Нет. Ей нанесены повреждения, несовместимые с жизнью. Но, как выразился наш друг патологоанатом, девушка оказалась подпорченной.

– Да, я видел, – кивнул Худолей.

– Болезнь у нее нехорошая – это первое. Беременной она была где-то уже после третьего месяца. Убили ее ударом по голове. Тяжелым тупым предметом. Ножом полоснули уже потом.

– Разве в таких случаях можно установить очередность нанесения ударов?

– Худолей! Зачем тебе об этом думать? Зачем мне об этом думать? Есть специалист, который все установил, во всем разобрался, на бумаге свои выводы изложил. Теперь это не просто бумага, а документ. Который носит явно обнадеживающий характер.

– И кого же он обнадеживает?

– Тебя!

– Надо же, – Худoley с сомнением посмотрел на Пафнутьева. – Ты так красиво говоришь, Паша, тебя так интересно слушать... Я никогда не думал, что труп юной женщины несет в себе нечто обнадеживающее, что из морга можно принести хорошие новости, я никогда не думал... – Худoley чуть запнулся, и Пафнутьев немедленно этим воспользовался.

– Самое правильное твое замечание – ты никогда не думал. Полностью с тобой согласен. Скажи мне, не лукавя, не тая, – что заставило Свету поступить с женщиной так нехорошо?

– Я не верю, что это сделала Света.

– Что же в таком случае заставило ее бросить труп в собственной квартире и бежать без оглядки? Ведь она знала, что ты работаешь в прокуратуре, знала, что можешь помочь – советом, деньгами, адресом... И так далее. Ты не хуже меня знаешь, чем можно помочь убийце в бегах. Она к тебе не обратилась. Ваши отношения позволяли ей надеяться, что ты не потащишь ее в милицию, не сдашь Шаланде, не запрешь в кутузку. Она это знала. И не обратилась. Не пришла, не позвонила, хотя прошло уже сколько... Неделя. От нее ни слуху ни духу... Всему этому есть простое и разумное объяснение? Есть? Ты можешь сейчас произнести вслух самую дикую версию, которая бы сняла со Светы все подозрения?

Худoley помолчал, долго рассматривая свои ладони – правую, потом левую и наконец поднял глаза на Пафнутьева.

– Продолжай, Паша, – сказал он.

– Значит, нет у тебя версии. Просто безоглядная вера в то, что любимое существо так поступить не может.

– Да, – кивнул Худoley, – безоглядная вера. Можно даже сказать, уверенность.

– Так вот я – старый и некрасивый...

– Некоторые женщины говорили мне, что ты им нравишься.

– Как говорили? – откинулся Пафнутьев на спинку стула.

– С придыханием.

– Оставь адрес, телефон, имя... Обязательно проверю. Но чуть попозже. Смотри, что получается... Да, Света повела себя подозрительно. Видимо, у нее были основания вести себя именно так. Я немного с ней общался, и впечатления у меня остались...

– Плохие? – настороженно спросил Худoley.

– Восторженные!

– У меня тоже.

– Это видно. Идем дальше. Труп в квартире, характер раны, отпечатки пальцев на ноже, брошенные вещи... Все это выстраивается в одну линию. Достаточно убедительную линию. И вдруг анатом мне говорит открытым текстом – удар сзади по голове. Удар, после которого человек если и будет жить, то чуть попозже, а сразу после удара он вырублен, надежно вырублен. Но убийце этого мало, понимаешь? Ему нужна не месть, не сброс неожиданного гнева, неистовства, не расплата какая-то там, ему нужна смерть этого человека. И он наносит удар ножом. Но и этого ему мало!

– Боже, что же он еще натворил?

– Он взял нож и сунул его женщине в руку. Причем таким образом, что женщина как бы держала нож за лезвие, якобы была борьба и она этот нож сумела у злодея вырвать. Другими словами, явная, но поспешная инсценировка, которая должна, по мысли исполнителя, изменить картину убийства.

– Паша, у меня в голове что-то забрезжило, – сказал Худoley. – Ты все-таки очень умный человек, и я горжусь тем, что первым тебе это сказал. В свое время.

– У тебя еще будет такая возможность, – невозмутимо ответил Пафнутьев. – Так вот, я вполне допускаю, что Света в порыве гнева, а мы все иногда впадаем в гнев праведный и необузданный, а красивые девушки впадают в такой гнев гораздо чаще, чем остальные люди...

– Почему именно красивые девушки?

– Потому что они получают от жизни гораздо меньше, чем заслуживают. Как им кажется. Они уверены, что мир должен лежать у их ног, а вместо этого у ног барахтается какой-то хмырь, который служит в прокуратуре не то фотографом, не то экспертом, не то притворяется и тем и другим...

– Паша, ты меня имеешь в виду?

– Нет, это Света имеет тебя в виду!

– Имеет меня? – Худолей, похоже, начал оживать.

– Так вот, я допускаю, что Света в порыве гнева могла полоснуть подругу по шее. Как и каждый из нас. Могла она чугунной сковородкой врезать по ненавистному затылку? Запросто. Как и каждый из нас. Но я не верю, что она в состоянии была сделать и то и другое! Сунуть нож в руку умирающему человеку, бросить в сумку чугунную сковородку и с оной отбыть в неизвестном направлении... Зачем она прихватила с собой сковородку?

– Паша! Остановись! При чем тут сковородка? Откуда ты взял сковородку? Почему ты решил, что удар нанесен именно сковородкой?

– А чем еще? – тихо спросил Пафнутьев.

– Да чем угодно!

– Например?

– Ну, хотя бы... Хотя бы...

– Валя, нет в квартире ни одного предмета, которым можно сделать подобное. Просто нет. А если и был, то убийца унес его с собой. А сковородка ли это, гантеля, солдатский сапог... Главное мы установили – орудие преступления унесено с собой. Возможно, его и принесли заблаговременно. Если все это так, то мы имеем хорошую такую, продуманную подготовку убийства. Но вложить лезвие в руку – это глупость. Нож очень острый, ты сам говорил. Я хорошо его рассмотрел. Такие ножи в ходу у таджиков, узбеков... Им можно вскрыть дыню, зарезать барашка и не только барашка... Тонкая узкая ручка, широкое, злое лезвие, на котором слова из Корана... Что-нибудь этакое нравственное, возвышенное.

– Я знал, я знал, что Света невиновна! – Худолей вскочил из кресла, порывисто подошел к окну и, кажется, только сейчас увидел, как раскачиваются на весеннем ветру деревья, услышал визги ребятни во дворе.

– Валя, – грустно проговорил Пафнутьев. – Я не сказал, что она невиновна. Обстоятельства позволяют толковать и так и этак. Убийц могло быть и несколько. Кто-то бил по голове, кто-то орудовал ножом, кто-то затыкал тряпкой рот. Но то, что есть инсценировка, попытка изменить характер преступления, это очевидно. Анатом сказал, что, если бы женщина схватилась рукой за лезвие, как нас пытаются убедить, она вспорола б себе ладонь до кости. А у нее на ладони ни царапины, представляешь?

– Паша, а может, они и Свету... А?

– За что?

– А за что эту?

– Было за что... Она беременная.

– Разве за это убивают?

– Да, – сказал Пафнутьев, как о чем-то само собой разумеющемся. – Встречаются люди, для которых подобное обстоятельство просто непереносимо. А убийство кажется им самым легким решением, самым разумным. Представляешь, как странно устроена психика человеческая – сказать женщине твердо и ясно, что он ребенка не желает, жить с ней не хочет, что уходит и навсегда... Сказать это в глаза – совесть не позволяет. Неловко ему, поскольку прекрасно

понимает, что все эти слова, вместе взятые, есть подлость. Да, после всего, что было у него с этой женщиной, сказать подобное – чистой воды подлость. И он выбирает путь более легкий, более для него простой – бьет сзади по голове тяжелым предметом и тем самым выключает ее сознание. Он не может допустить, чтобы женщина о нем плохо подумала. Ему это тяжело, поскольку душа у него трепетная, воспитание тонкое, психика уязвимая. Ранимый он, понимаешь? Поэтому решает – надо отключить сознание, чтобы она не успела подумать о нем плохо. А потом перерезает горло. В полном, ясном и незамутненном своем сознании. И совесть его спокойна, поскольку женщина о нем плохо не подумала, даже мысленно не произнесла о нем нехорошего слова.

Пафнутьев развел руки в стороны, словно изумляясь собственным мыслям.

– Паша, – Худолей помолчал, подбирая слова, которые бы не задели Пафнутьева грубостью или, того хуже, глупостью. – Паша... Скажи честно – ты все это вычитал в толстых книгах или же тебя посетило озарение? Может, в тебе открылся дар?

– Какой дар?

– Ну, знаешь, у некоторых людей, к примеру, после удара током открываются сверхъестественные способности. Они могут разговаривать с покойниками, слышат голоса из пространства, перед их мысленным взором проносятся картины грядущих катастроф... Скажи, Паша, то, что ты сейчас рассказал... Неужели это было на самом деле?

– И не один раз. В том или ином исполнении. Да что там говорить, это происходит постоянно! Иногда без крови и без ударов по голове, иногда с кровью и ударами. По-разному, Валя. Мысль человеческая находится в постоянном поиске. Что делать, часто гораздо проще поступить подло, но анонимно, нежели честно, но публично. Сие есть тайна великая и непознаваемая.

– Да, я про эту тайну слышал от него не один раз. Скажи, Паша, ты считаешь, что с убитой произошло нечто подобное?

– Скажем так – не исключаю. Возвращаемся к Свете. А то меня неожиданно-негаданно занесло в нравственные болота. Выбираемся на твердую почву фактов и обстоятельств. Как ты намерен ее искать?

– Не знаю.

– С чего хочешь начинать?

– Понятия не имею.

– Но хоть желание-то не пропало?

– Разгорелось с невиданной силой, – быстро, без запинки, ответил Худолей. Неожиданно для самого себя, даже с некоторой ошарашенностью он вдруг осознал, что в самом деле не представляет, с чего начинать, как организовать поиск пропавшей красавицы. Да, он мог найти следы, дать им неожиданное, чуть ли не провидческое толкование, изобличить и уличить. Во всем этом он ничуть не уступал Пафнутьеву и частенько даже его превосходил. Но теперь, когда пришлось самому принимать решения и направлять поиски, он растерялся. Это несколько не говорило об ограниченности его возможностей, ничуть, все мы, ребята, хороши давать советы, поступать дерзко, а иногда даже с некоторой долей социальной отваги, но! Когда дело касается кого-то другого. А стоит обратиться к собственным бедам, нас неожиданно охватывает робость, неуверенность, а то и ужас перед самым простым и очевидным шагом.

Самое-то интересное во всем этом – когда дело касается кого-то другого, наши отвага и решительность разумны, целесообразны. То есть легкое, вполне допустимое безразличие к результату усилий позволяет уберечься от вариантов глупых, нервных, продиктованных самолюбием, обидой, ужасом перед возможными последствиями. А вполне простительное равнодушие позволяет принимать решения здравые, свободные от безрассудства и умственного помешательства.

– Включайся, Павел Николаевич, – сказал Худолей таким тоном, будто все предварительные слова сказаны. – Теперь, когда мы имеем в наличии труп, ты просто обязан заняться этим делом.

– Света местная? – спросил Пафнутьев.

– Не знаю, – растерялся Худолей. – Наверное.

– Сомневаюсь. Она не может быть местной. Живет одна, в однокомнатной квартире, ее посещают странные личности...

– Ты хочешь сказать, что Света...

– То, что я хочу сказать, я говорю, – жестковато ответил Пафнутьев, понимая, что именно такой тон в разговоре с раскисшим от несчастья Худолеем наиболее уместен. – Кому принадлежит ее квартира?

– Ты имеешь в виду...

– Она снимает эту квартиру? Арендует? Ей позволили там пожить какое-то время? Света сама купила ее или же ей позволили внести деньги, а на самом деле квартира принадлежит кому-то другому? Ты можешь ответить внятно хоть на один из этих вопросов?

– Нет, – ответил Худолей, не задумываясь.

– О чем вы с ней говорили? Что обсуждали? Чем вообще занимались?

– Если я тебе отвечу, Паша, ты покраснееешь до корней волос. И тебе будет неловко за неуместное любопытство.

– Это не любопытство, – Пафнутьев не пожелал проникнуться срамными тайнами Худолея. – Это следствие.

– Оно уже началось, Паша?

– Три дня назад.

– И у тебя есть успехи? Неужели такое возможно? Какой ты все-таки умный, Паша. – Худолей прижал свои ладошки к груди и посмотрел на Пафнутьева, придав своему лицу выражение, в котором можно было различить восторг, преданность и даже осознание собственной беспомощности. – Что ты пьешь, Паша, последнее время? Я готов сбегать немедленно.

– Немедленно, прямо сейчас, ты занимаешься квартирой Светы. Все, что можно о ней знать, ты должен знать. Метраж, ремонт, площадь жилая и общая, размер туалета и стоимость унитаза, мнение соседей, сплетни, участковый, прописка, юридическое обоснование...

– Обоснование чего?

– Участковый говорил, что у этой квартиры недавно сменился хозяин. Помнишь?

– Наверное, я был в беспамятстве, – признался Худолей.

– Юридическое обоснование купли-продажи. Договор, свидетельство...

– Свидетельство чего?

– Юристы подскажут. Есть такой документ. Расписки, банковские бумаги...

– О чем?

– Сейчас деньги не дают из рук в руки, их переводят через банки, через специальные ячейки с системой обмена ключей, проверкой купюр...

– Паша! И ты все это знаешь?! – воскликнул Худолей почти в ужасе.

– К концу дня и ты все будешь знать. Причем заверяю – гораздо полнее, чем я. У тебя будут фамилии, имена, адреса, суммы, расписки... Дальше говорить?

– Вполне достаточно, Паша. Потому что я перестал слышать твои слова и понимать их смысл сразу после того, как ты произнес «купля-продажа». Я тут же вырубился.

– Это было заметно.

– И еще, Паша... Ты тонко так намекнул на понятие, которое означает женщину легкого поведения... Так вот, должен сообщить... Меня это не смущает. Я проехал через это, Паша.

Пафнутьев помолчал, исподлобья рассматривая Худолея, потом перевел взгляд на стол, подвигал в растерянности бумаги, блокноты, зачем-то поднял трубку, послушал гудок.

– Я сказал предположительно. А что касается женщины, которую убили... То я почти уверен – она из них. Зона повышенного риска.

– Я расширил твоё предположение. И вот что хочу, Паша, сказать... Ты должен заботиться только о четкости и ясности своих слов. Пусть тебя не тревожат мои чувства, какими бы трепетными они ни казались. Это не любовь, Паша. Я знаю, что такое любовь. Это совсем другое. Гораздо страшнее. Я сейчас даже не уверен, что Света так уж мне нужна. Да, Паша, да! Я в этом вовсе не уверен. Но если кто-то скажет, что... Если кто-то мне скажет, что... Что я должен взорвать город, чтобы ее вернуть... Я взорву город, Паша.

– И правильно сделаешь, – кивнул Пафнутьев. – Только чуть попозже.

Худолей оказался не столь уж беспомощным, как он сам о себе думал. Несколько лет работы с Пафнутьевым даже в качестве эксперта дали ему и знания, и опыт, позволявшие поступать правильно, вопросы задавать грамотные, вести себя осторожно и неуязвимо. Желание во что бы то ни стало найти Свету, нервная взвинченность, в которой он пребывал последнюю неделю, придали его уму несвойственную остроту, незнакомую доселе цепкость, а непривычно трезвая жизнь придала телу, духу легкость и неутомимость, с которыми он тоже столкнулся в себе впервые.

Прежде всего он направился в домоуправление.

И сразу же наткнулся на открытие, которое предвидел Пафнутьев, отправляя его в свободный поиск. Домоуправление располагалось в полуподвале, за дверью, обитой ржавой жестью. С трудом открыв ее, Худолей оказался в полутемном коридоре, забитом посетителями, в основном бойкими, раздраженными старухами, пришедшими, видимо, решать проблемы вроде протекающего крана, неработающей розетки, выбитых стекол.

Сжавшись, опустив глаза и надвинув шапочку на самые брови, Худолей протиснулся сквозь толпу и уже вплотную приблизился к двери со стеклянной табличкой «Начальник», но вдруг почувствовал, как сразу несколько цепких старушечьих рук вцепились в его куртку и потащили обратно. Несмотря на изможденный вид и предсмертную печаль в глазах, старухи оказались на удивление сильными, и Худолею удалось удержаться у двери, только ухватившись рукой за металлическую ручку. Он боялся, что еще немного старушечьих усилий – и ручка оторвется от двери вместе с шурупами.

– Очередь! – закричали старухи, словно опознав в Худолею давнего своего и ненавистного врага. – Куда без очереди?!

– Кто последний, я за вами? – спросил Худолей, обернувшись.

– В очередь! В очередь! – Старушечья масса заколыхалась, надвинулась на Худолея. На какое-то мгновение ему стало попросту страшно: искаженные яростью лица были совсем рядом, все они орали, показывая редкие зубы, железные челюсти, какие-то розовые провалы внутрь организма.

– Я на минутку! – беспомощно пропищал Худолей.

– Мы все на минутку! – было ему ответом.

– Я из прокуратуры!

– Мы все из прокуратуры!

– Я по поводу убийства!

– Мы все по поводу убийства! – жарко дохнула на Худолея старушечья масса, продолжая оттаскивать, оттирать его от двери, за которой сидел начальник.

Трудно сказать, чем бы все это кончилось, но Худолей, рванувшись из последних сил, сумел ослабить хватку цепких, когтистых пальцев, чуть приоткрыл дверь в кабинет, протиснулся в образовавшуюся щель и тут же, захлопнув за собой дверь, набросил на петлю крючок.

И только тогда повернулся к столу.

За столом сидела полная женщина с дымящейся сигаретой и тяжелым усталым лицом. На Худолея она смотрела совершенно спокойно, может быть, даже с некоторым пониманием. Больше никого в кабинете не было, и это озадачило Худолея – он полагал, что увидит здесь такую же толпу, от которой спасся минуту назад.

– Прорвался? – спросила женщина низким сипловатым голосом.

– Еще не уверен, но похоже на то. Мне казалось, что меня тащат в преисподнюю, – жалобно усмехнулся Худoley.

– Хх, – ответила женщина, что должно было, видимо, означать смех, – я каждый день там бываю. С утра до вечера. И ничего, пока удается выкарабкиваться. Хотя я в этом уже не уверена.

– Мне казалось, что тут у вас полно народу.

– Нет, я решила немного подумать.

– О чем?

– Как жить дальше... Мне не нравится такая жизнь, – она кивнула в сторону клокочущего коридора. – Мне захотелось другой жизни. Где море теплое, песок и пляж.

– Март, вода еще холодная.

– Я подожду, – сказала женщина и, с силой раздавив окурок в тарелке, которая стояла перед ней, подняла на Худолея глаза уже с некоторым смыслом, некоторым выражением. – Номер?

– Чей?

– Ваш.

– Мой номер восемь, когда надо спросим, – ответил Худoley неожиданно подвернувшейся детской присказкой.

– Смешно, – кивнула кудлатой головой женщина. – Надо будет запомнить. Но я спрашиваю номер квартиры и дома.

– Там, где я живу?

– Мне безразлично, где вы живете и с кем. Ведь вы пришли ко мне по квартирному вопросу?

– Да, меня интересует семнадцатая квартира этого дома.

– Понятно. Значит, ваш номер не восемь, а двадцать четыре семнадцать. Запомните.

– Да, я усвоил.

– Итак?

– Я из прокуратуры, и меня интересует...

– Удостоверение, – женщина протянула пухловатую руку с алыми длинными ногтями – похоже, она и в самом деле собиралась на море, только на море можно носить такие ногти. Внимательно прочитав все, что было написано в удостоверении, женщина подняла на Худолея глаза. – Тут сказано, что вы эксперт. По каким вопросам?

– По жилищным, – не задумываясь, ответил Худoley.

– Нехорошая квартира. – Женщина вынула из пачки очередную сигарету, сморщившись от огня и дыма, прикурила, выпустила дым куда-то вниз, так, что он еще долго поднимался из-под стола мимо лица домоуправа.

– В каком смысле?

– Во всех. – Женщина откинулась на спинку стула и закинула ногу на ногу.

– Дело в том, что в этой квартире, как вы, наверное, уже слышали, произошло убийство, а владелица квартиры некая Юшкова Светлана Васильевна в данный момент отсутствует.

– Вопрос поняла, – сказала женщина, хотя Худoley не успел ни о чем спросить. – Про убийство слышала. Кого именно убили, не знаю, но некоторые наши жильцы, – женщина кивнула в сторону коридора, где продолжали гневно бесноваться старухи, – утверждают, что эту женщину видели. Бывала она у Юшковой. Более того, она бывала здесь и до Юшковой.

Последнее обстоятельство, думаю, вам покажется интересным. Кстати, меня зовут Элеонора Юрьевна. – Она вскинула голову как бы говоря, что готова по этому поводу выслушать самые нелестные замечания.

– А я – Худолей. Валентин, если уж полнее.

– А по бабушке?

– Алексеич.

– Неплохо, – кивнула Элеонора Юрьевна. – Это что касается первой части вашего вопроса. А что касается второй части... Никакой владелицей Юшкова не является. Квартиру она снимала. И платила за нее двести долларов в месяц.

– Сколько?!

– Двести долларов. Другими словами, шесть тысяч рублей. Ваша зарплата, простите, сколько составляет?

– Вдвое меньше.

– А моя втрое, – Элеонора Юрьевна опять по странной своей привычке пустила дым под стол. На этот раз Худолею показалось, что дым поднимается из-под юбки домоуправа, будто там в неведомых глубинах что-то не то пылало, не то плыло. – Вас это не наводит на мысли?

– Наводит.

– Это хорошо. Подобные цифры всех наводят на мысли. И, что самое интересное, на правильные мысли. Безошибочные. У вас ведь безошибочные мысли?

– Надеюсь. Скажите, Элеонора Юрьевна, а кто владелец этой нехорошей квартиры?

Но ответить она не успела – нервно вздрагивающая дверь наконец освободилась от крючка – он как-то обесчещенно откинулся и повис на изогнутом гвоздике. В образовавшуюся щель протиснулись сразу несколько старушечьих физиономий, выстроившихся по высоте в некую гирлянду. Старухи молчали, укоризненно глядя на Элеонору Юрьевну, а она с таким же точно выражением скорбной укоризны тоже молча смотрела на них. Между ними, видимо, происходил в эти мгновения неслышный, но напряженный разговор, полный упреков, обещаний, заверений. Наконец вся эта печальная гирлянда как-то одновременно исчезла, и дверь осторожно прикрылась.

– Может, у них там что-то случилось? – предположил Худолей.

– У них каждый день что-то случается. Как только они появились на свет божий, так и начало случаться. И вот без перерыва уже семьдесят-восемьдесят лет случается. А они все надеются, что вот-вот случаться перестанет. И действительно время от времени для той или иной жилички случаться перестает. Но это уже никого не радует. Возвращаемся к нашим баранам, уважаемый господин Худобед.

– Худолей.

– Пусть будет по-вашему. Так вот, владельцем этой квартиры с некоторых пор стал гражданин... – Элеонора Юрьевна раскрыла пухлую амбарную книгу, поплевав на пальцы, принялась ее листать с конца, потом с начала. Страницы она переворачивала резко, шумно, будто каждая ее чем-то раздражала. Наконец нашла то, что искала. – Величковский его фамилия. Дмитрий Витальевич. Хмырь, пройдоха и шалопут. А до него квартирой владел еще один хмырь. С бомжами связался, устроил в квартире бомжатник. Жили весело, били друг другу морды, ходили обезображенные, хуже некуда, но друг дружку узнавали. На расстоянии. Общались мусорные ящики, сдавали пивные бутылки, попрошайничали, кое у кого пенсия была – тоже шла в общий котел. Пили все, что льется. У вас как по этому делу, по питейному? – Элеонора Юрьевна требовательно посмотрела Худолею в глаза и щелкнула алым своим ногтем по горлу – звук получился мелодичный, но булькающий какой-то. – Увлекаетесь? Злоупотребляете? Признавайтесь!

– Признаюсь.

– Это правильно, – и не спрашивая больше ни о чем, ничего не уточняя, Элеонора Юрьевна достала из тумбочки бутылку водки несъедобного фиолетового цвета с какой-то металлизированной этикеткой, две граненые стопки и ловко, сноровисто наполнила обе до краев. – Набросьте крючок! – бросила она заговорщицки и вынула из тумбочки блюдце с нарезанным соленым огурцом. Худолей хотел было воспротивиться, но, видя неподдельный азарт женщины, ее уверенные, гостеприимные движения, не осмелился возражать.

– Будем живы!

– С весной вас... С наступающей, – невпопад брякнул Худолей и тут же понял, что тост получился не слишком удачным – Элеонора Юрьевна сделала резкий пренебрежительный жест в сторону окна, где по ее предположению и набирала силы весна.

– А! – сказала она и махнула полновато-смугловатой рукой.

Огурец оказался неплохим, на зубах похрустывал так, что, казалось, семечки устроили во рту маленький фейерверк.

– Как огурец? – спросила повеселевшая Элеонора Юрьевна.

– Потрясающе!

– Сама солила. И выращивала, кстати, тоже. Так вот бомжатник, – сказала она без паузы. – Сгорел бомжатник. Квартира выгорела полностью. До бетона. И два бомжа сгорели. Установить личности не представилось возможным. Не осталось ни одного живого места.

– И хозяин сгорел?

– Выжил. За водкой его послали. А он решил, что это несправедливо. Водки-то взял, но домой не пошел. Пристроился под грибком в детском саду. Когда бутылка закончилась и он вернулся, уже пожарные машины разъезжались. Внутри квартиры как у негра... Вот он ее этому самому Величковскому и продал. За бесценок, в общем-то, продал. Повторим?

– Что вы! Что вы! – замахал руками Худолей – он не привык к таким темпам.

– Также правильно, – легко согласилась Элеонора Юрьевна. – Хорошего – понемножку. Так вот этот Величковский оказался первоклассным отделочником. Из квартиры сделал конфетку. Евроремонт. Кафель, паркет, испанская сантехника... Ну и так далее. Мебель завез! Телевизор поставил.

– Не такой уж и хмырь?

– Хмырь, – Элеонора Юрьевна сделала отбрасывающий жест рукой. – Двести долларов драг с Юшковой за месяц проживания. Многовато. – Элеонора Юрьевна пошевелила в воздухе растопыренными пальцами, прикидывая значительность суммы. – Но это все ладно. – Женщина в задумчивости, как бы даже не сознавая, что делает, наполнила стаканчик водкой, все в той же задумчивости выпила, закусила огурцом. Во время всех этих действий выражение лица ее не менялось, оставаясь таким же отрешенным. – Я вот что хочу сказать... Вроде как видела я эту девушку, вроде как видела.

– Какую девушку?

– Пострадавшую.

– Вы имеете в виду...

– Да ничего я не имею в виду! – вдруг сказала она раздраженно. – Имеете в виду, не имеете в виду... Путаюсь я в этих словах. Чуть попроще. Я говорю о той зарезанной, которую нашли в юшковской квартире. Во время всех этих осмотров там многие вертелись, и я вертелась. И когда выносили, рядом оказалась. По ней, конечно, пятна всякие пошли, но глаза открытые и выражение оставалось, как у живой... И я сказала себе... Элька, да ты же ее видела! А где, когда, с кем... Ума не приложу.

– Может быть, она подруга Юшковой?

– Вряд ли... Другая кровь.

– В каком смысле?

– Юшкова и эта погибшая... Они разных кровей, такие не становятся подругами.

– Может быть, она приходила с Величковским?

– Вы думаете? – Элеонора Юрьевна склонила голову набок.

– Предполагаю.

– А может, я ее во сне видела?

– Тоже не исключено, – вежливо согласился Худoley, опасаясь сбить женщину с тонких, неуловимых воспоминаний.

– Должна вам сказать, молодой человек, вернее, предостеречь, чтобы вы не слишком доверяли моим словам. Могут очень даже запросто подвести. Меня вот, например, сейчас такое чувство охватило, будто я и вас встречала... Такое может быть?

– Вполне.

– Вы заглядывали когда-нибудь в наш двор до этого кошмарного убийства?

– Не исключено. – Худoley действительно бывал здесь, и не один раз. Так что воспоминания женщины, как выясняется, не столь уж и расплывчаты были, не столь уж и неуловимы. – Скажите, Элеонора Юрьевна... А как бы мне найти этого Величковского?

– Нет ничего более простого. – Она приподняла настольное стекло и, плюнув на палец, подцепила маленький белый прямоугольничек. – Он здесь каждому изловчился сунуть свою визитку. Плиточник! – сказала она таким тоном, будто одно это все объясняло. – Ему нужны заказы. И он раздает визитки десятками. Авось кто-то клюнет и пригласит сделать ремонт.

– И что? Ключут?

– Он хоть и хмырь болотный, но плитку кладет неплохо. У него две страсти в жизни – бабы и плитка.

– И там и там он одинаково мастеровит?

– Про баб не знаю, врать не буду. А что касается плитки – зайдите еще раз в юшковскую квартиру. Зайдите в туалет нашего домоуправления, – она ткнула большим пальцем куда-то за спину.

Визитка была совершенно потрясающего качества. На упругом белом пластике был нанесен, видимо, герб самого Величковского – переплетенные малярные кисти, мастерок, еще какие-то хитроумные приспособления. Тут же крупно набраны фамилия, имя, отчество и длинный номер мобильного телефона.

– У прокурора города такой нет, – озадаченно сказал Худoley.

– И не будет, – подхватила Элеонора Юрьевна.

– Почему?

– Потому что ваш прокурор не умеет класть плитку, как кладет ее Величковский. Ему за эту кладку не то что визитки, уже «Мерседес» обещали. Подержанный, правда.

– А где живет этот умелец?

– Где придется. Обычно устраивается в той квартире, которую в данный момент ремонтирует. Хозяйка ему, естественно, постель, естественно, питание, а он, естественно, на этом экономит и свою квартиру вылизал до полной невозможности, – на этот раз Элеонора Юрьевна ткнула пальцем в потолок, где, по ее представлениям, видимо, и располагалась величковская квартира.

– Что же это получается... У него и недостатков никаких нет? Само совершенство?

– Есть недостатки. Больно блудлив.

– Сверх всякой меры? – уточнил Худoley.

– Сверх всякой меры, – спокойно кивнула Элеонора Юрьевна, словно речь шла о чем-то очевидном.

– И в чем это выражается?

– Вы всерьез спрашиваете? – Тяжелые складки на лице женщины изобразили крайнее удивление. – Вы хотите, чтобы я рассказала, в чем выражается крайняя степень блудливости? Я правильно поняла?

– Правильно, но не полно. Блудливость разная бывает, – Худoley замялся, но, увидев неподдельный интерес в глазах Элеонора Юрьевна, позволил себе расслабиться. – Одни на улицах пристают ко всем, у которых мелькнула обнаженная пятка или, скажем, лодыжка. Другие в постель тащат все, что в состоянии двигаться, третьим каждую ночь новый объект подавай...

– Субъект, – поправила Элеонора Юрьевна.

– Да? Вы уверены?

– А может, и объект, – засомневалась женщина. – Но это, в конце концов, несущественно. Важно другое – Величковский подходит под все ваши три категории. Вот я сейчас подумала... А не с Величковским ли я видела вашу красавицу, не с ним ли она весело шутила и радостно смеялась звонким, переливчатым смехом? – Все это Элеонора Юрьевна произнесла медленно с какой-то озабоченностью – она и в самом деле в этот момент что-то, похоже, вспомнила.

– Какую красавицу вы имеете в виду? – похолодев, спросил Худoley – он решил, что речь идет о Свете.

– А эту... Потерпевшую, как выражаются в вашей конторе, – легко ответила женщина и сделала пренебрежительный взмах полноватой своей ладошкой – дескать, о чем говорить, если мы друг друга понимаем с полуслова.

– А как выражаются в вашей конторе?

– Гораздо проще. Я имела в виду зарезанную.

– Крутовато, – пожегился Худoley.

– Зато прямо и откровенно, – с неожиданной резкостью ответила Элеонора Юрьевна.

– Но если уж вы так любите прямоту и откровенность, скажите, не лукавая, не тая, где искать этого похотливого плиточника?

– Скажу! – весело ответила женщина. – Не лукавая и не тая. Вот прямо сейчас и скажу – не знаю. Я же сказала – он живет, где работает. И потом – на фиг я вам нужна, на фиг вам нужны мои трепетные воспоминания... На визитке указан мобильный телефон. Звоните и ждите ответа.

– Тоже верно, – вынужден был согласиться Худoley, но со звонком решил не торопиться: надо обо всем доложить Пафнутьеву. Хоть тот и предоставил ему полную свободу, но Худoley знал – полная свобода может быть только на поводке, на длинном, даже на очень длинном, но на поводке. Свобода без поводка – это разгул и распутство. И потом, к разговору с Величковским надо подготовиться, блудливые люди часто непростые, тайная страсть, которую они вынуждены скрывать, обостряет их ум, делает осторожными и опасливыми, за каждым словом может стоять второй смысл. Конечно, не все блудливые поголовно подлецы, среди них попадаются люди, искренне увлеченные своей пагубной страстью, но легкая, почти неуловимая, такая милая подловатость в них присутствует обязательно. И не потому, что такими они родились, нет, просто без этой подловатости они не могут существовать, не могут добиваться того, к чему стремятся постоянно и неустанно.

Конечно, всего этого Худoley подумать не успел, но ощущение именно этих обстоятельств в нем возникло сразу и укрепилось, пока Элеонора Юрьевна опять наполняла свой граненый стаканчик, опрокидывала его и хрумкала огурцом. Убрав следы своего безнравственного поведения на рабочем месте в рабочее место, она смешливо и доброжелательно посмотрела на Худoley.

– Могу подкинуть неплохое предложение, – сказала она. – Ведь мы все немного следователи, немного эксперты, да? – Она подмигнула Худoley, давая понять, что ему нисколько не удалось обмануть ее и ввести в заблуждение.

– Слушаю вас внимательно, – Худoley даже сам не заметил, как произнес привычные пафнутьевские слова.

– Позвоните Величковскому и сделайте заказ. Так, мол, и так, хочу отремонтировать трехкомнатную квартиру по полной программе. Скажите, что у вас две дочки – бездельницы и шалопутницы, которые только и делают, что тусуются где-то по ночам... Ключет! Заглотнет, как голодный ерш! Мое вам слово!

– А что ерш? Заглатывает?

– Ерш? Он заглатывает так, что потом приходится разрезать его на куски, чтобы достать крючок.

– Какой ужас, – пробормотал Худолей. – Неужели вы прошли через подобное зверство?

– Если я перечислю все, чем мне приходится заниматься, вы поседете.

– Тогда не надо, – быстро сказал Худолей и поднялся. – Спасибо за угощение...

– Может, еще пригубите?

– Нет, чуть попозже, – опять сорвались у Худолея пафнутьевские слова. – Там, в коридоре народ истомился. Страшно выходить, растерзают, как ерша.

– Не посмеют, – усмехнулась Элеонора Юрьевна. – В случае чего – заходите. Вдруг что-нибудь вспомню, вдруг на ум что придет, всяко бывает.

– На этот случай я оставлю телефон, – Худолей нацарапал шариковой ручкой на подвернувшемся бланке номер телефона Пафнутьева и приписал слова – «Павел Николаевич Пафнутьев».

– А вы вроде как иначе назвались? – Элеонора Юрьевна с подозрением посмотрела на Худолея.

– Начальство, – Худолей постучал пальцем по своим каракулям.

– Будете уходить, загляните в наш туалет – величковская работа.

– Обязательно! – заверил Худолей.

Уходил он, переполненный самыми противоречивыми чувствами. С одной стороны, в душе что-то саднило и напрягалось, едва он вспоминал блудника Величковского и Свету – они были знакомы, она снимала у него квартиру, платила деньги этому беспредельщику в области блуда.

Какими их отношения были на самом деле?

Как далеко простирались шупальца любвеобильного Димы?

Уж если его приводила в возбуждение мелькнувшая на улице обнаженная женская пятка, то хватило ли у Светы сил устоять перед чарами этого хмырюги? Но, с другой стороны, в их отношениях было, было что-то такое, что позволяло Худолею все-таки надеяться на лучшее, вернее, надеяться на не самое худшее, так будет точнее.

Теперь эта странная дама Элеонора Юрьевна... Явно говорит не все, явно темнит. Уж если Величковский отделал туалет домоуправления, то ясно, что их отношения ближе, чем она хочет показать, и не исключено, совсем не исключено, что она уже звонит ему, уже предупреждает. Как бы там ни было, Величковский кое-что знает о Свете, они знакомы, неоднократно встречались, между ними деловые или, скажем, денежные отношения. Но если он вот так свободно раздает визитки со своим мобильным телефоном, значит, чувствует себя в безопасности? Это действительно неуязвимость или ловкий ход, прикрывающий нечто большее?

Худолей путался в предположениях и только сейчас начал понимать сложность положения Пафнутьева, когда тот принимался за очередное расследование. Многозначность следов и улик, сознательная и невольная путаница в показаниях, притворство и откровенное придуривание, ложные следы, фальшивые адреса, искаженные фамилии... Все это месиво нужно было просеять, отделить зерна от плевел и в конце концов твердо и бестрепетно указать пальцем на человека, а если и не называть преступником, то сделать все, чтобы преступником его назвал суд.

Пафнутьев слушал рассказ Худолея, не перебивая и не задавая вопросов. Он вскидывал брови, склонял голову то к одному плечу, то к другому, вертел ручку на столе, заглядывал в ящик стола, потом, словно спохватившись, вынимал блокнот и листал его в поисках какого-то телефона, а найдя, снова прятал в карман.

Когда Худoley умолк, Пафнутьев некоторое время рассматривал его, как обычно рассматривают попутчика в троллейбусе – вроде с интересом, но в то же время совершенно безразлично.

– Сколько она тебе налила? – наконец спросил Пафнутьев.

– Элеонора Юрьевна? Граммов сто.

– Больше не предлагала?

– Предлагала, но я отказался.

– Напрасно. Совместное распитие спиртных напитков располагает к разговору доверительному, искреннему, даже задушевному. Разве ты этого не знал?

– Догадывался, Паша... Но, знаешь, робость обуяла.

– Тебя?!

– А что ты удивляешься?.. В душе я робкий. И Света всегда подтверждала. Ты, говорит, робкий, но настырный. Но ведь и настырность мне не присуща, Паша, верно? Я же не по нахаловке прикасался к разным ее местам... Это, Паша, от невозможности себя сдерживать.

– Любовь? – уточнил Пафнутьев.

– Нет, Паша, не любовь. Любовь – это вздохи на скамейке, прогулки при луне... А здесь наваждение какое-то, можно сказать – умопомешательство. Это страшно, Паша, не дай тебе бог испытать подобное. Теперь я понимаю тех, которые вешаются, травятся, топятяся, с крыш сигают... Раньше я смеялся над ними, дураками обзывал, а теперь мне за это совестно. Я даже переживаю. – Худoley помолчал, рассматривая собственные ладони, и добавил: – Иногда.

– Вывод? – спросил Пафнутьев.

– Величковского искать надо.

– И тащить на опознание.

– Думаешь, что он... – Худoley замолчал, предоставляя Пафнутьеву самому произнести и собственный вопрос, и ответ на него.

– Смотри, что получается... Квартира принадлежит Величковскому, плиточнику, блуднику и, как я понимаю, большому пройдохе. Юшкова снимала у него квартиру и в ней проживала. Ты тоже эту квартиру навещал. Навещал?

– Было.

– И даже ночевал там.

– Какая же это ночевка, если мы за всю ночь глаз не могли сомкнуть!

– Что же вам мешало?

– Ты, конечно, очень умный человек, Паша, но этот вопрос задал, не подумав. Знаешь, у одной бабы спрашивают: ты с чужими мужиками спала? Никогда! – отвечает она. – Разве с ними заснешь?

– Виноват, – согласился Пафнутьев. – Идем дальше. Света пропала. Вскрываем дверь – в квартире труп. Как я понимаю, лежал он там ровно столько, сколько отсутствовала Света. То есть есть основания предполагать, что исчезновение Светы и убийство произошли примерно в одно время.

– Хочешь на нее повесить убийство? – Худoley смотрел на Пафнутьева исподлобья, но взгляд его не был твердым, скорее, испуганным, так смотрит человек, который ожидает удара, но не знает, когда он последует и в какое место будет нанесен.

Не отвечая, Пафнутьев набрал номер, подождал, пока где-то поднимут трубку.

– Шаланду, пожалуйста, – сказал он, помолчал и добавил: – Понял. Спасибо. Пусть позвонит, когда появится. Нет Шаланды на месте, – пояснил он Худoley. – Продолжаю свою

мысль... Хочу ли я повесить это убийство на Свету? Нет такого желания. Буду ли я выгораживать твою Свету, если все ниточки к ней потянутся? И этого желания у меня нет.

– А вообще у тебя есть какое-нибудь желание?

– Выпить хочу. Могу даже сказать, чего и сколько. Я хочу выпить водки, граммов сто шестьдесят пять, ну в крайнем случае сто семьдесят, не больше.

– Могу сбежать.

– Чуть попозже. Ты никогда, Худолей, не задумывался над некоторыми простыми вещами?..

– Над некоторыми задумывался.

– Не перебивай... Если я что-то спрашиваю, то отвечать не торопись, это прием такой, я задаю вопрос, чтобы самому же на него и ответить. Потому что никто лучше и полнее меня ни на один мой вопрос ответить не сможет.

– Согласен, – кивнул Худолей.

– Так вот, не задумывался ли ты над тем, что по одному маленькому обстоятельству, маленькой подробности жизни можно о человеке понять все самое главное – надежен ли он, можно ли ему дать деньги в долг, можно ли познакомиться со своей девушкой, можно ли, не рискуя жизнью, оказаться у него во власти, в полной власти? И так далее.

– Короче – можно ли с ним пойти в разведку?

– Да, – раздумчиво протянул Пафнутьев. – Так вот отвечаю – только по тому, как человек пьет, из какой рюмки, сколько в ней оставляет, как прячет недопитую рюмку среди тарелок, чтобы никто не упрекнул его в лукавстве, какой тост произносит, как разливает водку по рюмкам... То есть мне достаточно распить с человеком бутылку, чтобы знать о нем все... Ты можешь в это поверить?

– Могу, – твердо сказал Худолей. – Потому что обладаю такими же способностями.

– Это великое дело, – серьезно произнес Пафнутьев.

– Хочешь с кем-то выпить?

– С Величковским. Ты сказал, что Элеонора вроде бы видела убитую женщину в собственном дворе? Так? И якобы она была с Величковским?

– Она этого не утверждала, Паша. Это были ее смутные, ничем не подкрепленные видения. Может, сон или забытье...

Пафнутьев потянулся было к телефону, но, видимо, вспомнив, что Шаланды на месте нет, снова повернулся к Худолею.

– Эти ее смутные, как ты говоришь, видения находят очень жесткое подтверждение. Труп женщины найден в квартире, которая принадлежит Величковскому. Значит, Элеонора их вместе все-таки видела. Значит, имеет эта женщина какое-то, пусть самое мимолетное отношение к Величковскому.

– Может, он и убийца?

– Убийцы обычно не раздают визитки направо и налево. Опять же не увлекаются кладкой кафеля, это достаточно тяжелая работа. Хотя бывают и исключения. Но, с другой стороны, мы только исключениями и занимаемся.

– Звони, Паша, звони.

– Кому? Шаланде?

– Величковскому.

– Хорошо, – Пафнутьев придвинул к себе визитку с гербом, составленным из малярных кистей, мастерка, обыкновенной фомки и, не колеблясь, набрал длинный номер мобильного телефона. Худолей понял, что весь предыдущий треп был всего лишь подготовкой к этому звонку, проговором основных зацепок. Расслабленность Пафнутьева на самом деле оказалась сосредоточенностью. Даже попытка созвониться с Шаландой тоже шла от нерешительности сделать главный звонок – Величковскому. Пафнутьев и сам не знал – готов ли он к этому раз-

говору, все ли предусмотрено, но наступил момент, когда он сказал себе – пора. Не потому, что действительно подготовился и все предусмотрел, просто откуда-то из организма поступил сигнал, что, начиная вот с этого момента, он может разговаривать легко и свободно с кем угодно – будь то английская королева, президент нефтяной компании или плиточник Дима.

Пафнутьев некоторое время вслушивался в длинные звонки, пытаясь определить – зацепило ли, состоялась ли связь или же наглый бабий голос на английском что-то сейчас провякает в трубку. Не разбирая ни слова, он тем не менее понимал значение вяканья – абонент недоступен или телефон выключен. Почему об этом надо сообщать именно на английском, а не на китайском или на языке племени дулу-дулу, никто не знал. Видимо, по замыслу владельцев этой сети английский был гораздо более достойным языком, нежели русский.

– Зацепилось, – сказал Пафнутьев замершему от напряжения Худолею. – Пошли гудки. Алло! – сказал Пафнутьев, и голос его в доли секунды преобразился до неузнаваемости: стал нагловатым, несколько бесцеремонным и даже вроде чем-то недовольным. Что делать – такова была манера, сложившаяся в России в начале третьего тысячелетия. Именно таким голосом нужно было вести переговоры с электриками, плиточниками, сантехниками, со всеми, кто тебе был нужен позарез, без кого ты не мог обойтись, потому что у тебя искрило электричество, кухню заливал кипятком из сорванного крана, в собственном туалете на голову летели отваливающиеся кафельные плиты. Но показать свою зависимость – значило навсегда попасть в немилость к этим мастерам. Слабость клиента они чувствовали с полуслова и тут же удваивали стоимость своих услуг. И было еще одно обстоятельство – нагловатость была признаком того, что звонит свой человек, которому можно доверять, с которым всегда договоришься, которому, конечно же, нужно помочь.

– Слушаю! – услышал Пафнутьев в трубке голос хрипловатый, как бы чуть надтреснутый, но веселый, даже какой-то подъем чувствовался в этом единственном слове.

– Величковского ищут! – сказал Пафнутьев уже чуть иначе, с легким куражом, за которым при желании можно услышать доброжелательство, готовность сторговаться, а если все сложится хорошо, то и бутылку водки распить под разговор доверительный и необязательный.

– Уже нашли.

– Дмитрий Витальевич?

– Он самый.

– Мне дали ваш телефон, сказали, что можно поговорить насчет плитки, я не ошибся?

– Кто дал телефон?

– В домоуправлении, на Садовой.

– А, Эля?

– Она самая, – сказал Пафнутьев, скорчил гримасу удивления и озадаченности. Из рассказа Худолея эта самая Эля представляла существом, которого вряд ли можно было назвать столь ласково.

– А что у вас? Какая работа?

– Трехкомнатная квартира, кафель, пол, неплохо бы стенку снести из кухни в соседнюю комнату...

– Понятно! – почему-то радостно ответил Величковский. – Сейчас все так делают. Если, конечно, позволяет количество комнат. Если жильцов немного, то отличную можно сделать кухню – два окна, большой стол, заодно и ванная увеличивается, стиральная машина поместится... Надо смотреть.

Пафнутьев, сам того не желая, невольно рассказал Величковскому о давней мечте Вики – переоборудовать квартиру, как это сделали едва ли не все в их подъезде.

– Повидаться бы, – сказал Пафнутьев уже доверительно, уже как своему человеку, который не осмелится вот так легко и просто завысить цену в несколько раз.

– Нет проблем, – ответил Величковский. Его веселость почему-то больше всего насто-
раживала Пафнутьева, он даже делал над собой усилия, убеждая, что разговаривает именно с
тем человеком, который ему нужен и который так кроваво засветился в юшковской квартире.
Не мог он разговаривать так легко, он просто обязан быть настороженным, опасливым, но уж
никак не игривым. – Завтра годится?

– А сегодня? – спросил Пафнутьев.

– Сегодня я заканчиваю ремонт в квартире... Если хотите, подходите, но тут сейчас
пыльно, неубрано.

– Стерплю. Дело в том, что я должен уехать... Если у нас все сложится, то сложится.
Нет – так нет.

– Вы где сейчас? – Вопрос был вполне естественный, но для Пафнутьева он прозвучал
неожиданно.

– Недалеко от универмага.

– Подходите, это рядом. Улица Подгорного, семнадцать, квартира тридцать первая.

Запомнили?

– Подгорного семнадцать – тридцать один.

– Вот здесь я и ковыряюсь. Буду здесь допоздна, так что подгребайте.

– Заметано, – озадаченно проговорил Пафнутьев и медленно положил трубку.

– Ну что? – вскинулся Худoley и даже вскочил со своего стула. – Договорились?

– Он согласен снести стенку между кухней и маленькой комнатой. Помнишь, у меня в
квартире эта комнатка, в общем-то, не используется, Вика там что-то вроде склада устроила...
А если снести стенку, а коридор присоединить к ванной, то получится вполне...

– Паша! – закричал Худoley. – Прекрати! И отвечай на вопрос.

– Понимаешь, Валя, чудной какой-то мужик. Вроде как не наш клиент. У нас ведь с
тобой народ в основном неразговорчивый, опасливый, за каждым словом ему ловушка чудится,
волчья яма, капкан и все такое прочее. А этот...

– Придуривается! – твердо сказал Худoley. – Труп нашли в его квартире. Света пропала
из его квартиры. Деньги с нее кто брал? Он.

– А где брала деньги Света? – негромко спросил Пафнутьев. – Двести долларов в месяц...
Да еще жила на что-то... У тебя, Валя, какая зарплата?

– Меньше, – буркнул Худoley.

– Вдвое меньше, Валя.

– И что из этого следует?

– Из этого следует, что мы с тобой столкнулись не просто с убийством невинной жен-
щины, не просто с исчезновением прекрасной девушки Светы, не просто с плиточником
Величковским. Какая-то громоздкая глыба чувствуется за всем этим. Элеонора Юрьевна со
своей водкой, плиточник со своим блюдом, Света со своей непонятной подругой, которую
обнаружили без всяких признаков жизни... Теперь вот ремонт моей собственной квартиры, –
закончил Пафнутьев уже чуть другим тоном, и Худoley понял – начальство шутит.

В этот момент раздался телефонный звонок. Пафнутьев быстро поднял трубку.

– Внимательно вас слушаю!

– Привет, Паша, – завопил Шаланда.

– О, Жора! Рад слышать твой голос!

– Так уж и рад? – настороженно спросил Шаланда, опасаясь розыгрыша.

– А я всегда! – заверил Пафнутьев. – Я же знаю, что по плохому поводу беспокоить не
станешь. Если звонишь, значит, случилось что-то радостное, необычное!

– Случилось, – негромко произнес Шаланда. – Труп, Паша.

– Молодая прекрасная женщина? – спросил Пафнутьев, еще секунду назад не думая ни
о чем подобном.

– Да, Паша... Молодая и прекрасная. Ты уже знаешь? Кто-то меня опередил?

– Что, угадал?! – Пафнутьев потрясенно откинулся на спинку стула. – Кошмар какой-то!

– Ты в самом деле ничего не знал, Паша? А я подумал, что шутишь... Извини, конечно. Так вот, Паша... Удар по затылку и ножом по шее. Тебе это немного знакомо, да? И это, Паша... У нее в руке зажат нож... Причем так странно зажат... Она держит его за лезвие.

– Голая? – спросил Пафнутьев.

– Одежек на ней я не заметил. Никаких. Наши ребята прикрыли какими-то тряпками, что под руку подвернулось... А так чтобы на ней, то ничего нет. У тебя не завелось мыслишки какой-нибудь по этому поводу?

– Есть, но ни одной приличной.

– У меня тоже, – пожаловался Шаланда.

– Один вопрос, Жора... Ты ведь был на месте обнаружения этой находки?

– Ну?

– Она это... Светленькая?

– А ты откуда знаешь? – У Шаланды была одна особенность: то ли слабость, то ли достоинство – не мог он в разговоре произнести ни слово «да», ни слово «нет». Как-то обходился, выкручивался, и, надо же, удавалось, хотя многих это раздражало.

Трудно сказать наверняка, что за этим стояло, но постоянная необходимость брать на себя ответственность выработала в нем эту привычку. Ведь всегда можно потом, при новых вскрывшихся обстоятельствах сказать с чистой совестью – я этого не подтверждал, я этого не отрицал, я вообще своего мнения не высказал, потому что у меня к тому времени не было мнения, да, я не могу себе позволить, как некоторые, судить с кондачка, поскольку знаю, что за каждым моим словом судьбы людские, а не хухры-мухры махорочные!

Возможно, дело было в этом, а скорее всего, в другом – подшучивали над Шаландой, разыгрывали его, за спиной пальцем на него показывали и делали при этом непристойные телодвижения. Во всяком случае, так ему казалось, и потому он осторожничал, понимая, что хотя соображает неплохо в своем деле, получше других, но гораздо медленнее, гораздо. Отсюда и привычка на вопрос отвечать вопросом, как бы уточняющим, как бы и с согласием, но в то же время и с сомнением. Такой человек, куда деваться, не самый, между прочим, плохой человек, и недостаток этот тоже не из самых тяжких.

– Догадываюсь, – ответил Пафнутьев.

– Таишься?

– От тебя?!

– Что-то ты, Паша, скрываешь, – проворчал Шаланда. – А напрасно. Я мог бы тебе кое-что и поподробнее рассказать.

Пафнутьев хотел было ответить не слишком серьезно, этак шаловливо, но вдруг увидел замершего в углу Худолея. Тот был бледен, как никогда, сидел, сжавшись, и Пафнутьева достаточно легкомысленные, между прочим, слова, словно невидимые кувалды, били Худолея по голове, и он не просто сгибался, а даже как бы вдавливался в затертое кресло. А когда услышал слово «светленькая», кажется, готов был потерять сознание.

Пафнутьев спохватился.

– Послушай, Жора, а лично тебе пострадавшая знакома? – спросил Пафнутьев, ради Худолея спросил, чтобы снять с того груз ужаса и неопределенности. Но Шаланда понял его по-своему.

– Приезжай, Паша, приезжай. Здесь и покуражишься. – Даже этот спокойный вопрос Шаланда принял как издевку.

И положил трубку.

– Что он ответил? – Худoley даже не спросил, а просипел эти слова.

– Заверил, что никогда прежде в своей жизни эту женщину не видел. – Видимо, какие-то из этих слов были излишними, произошел явный перебор, и Худолей сгорбил еще больше, он понял, что Пафнутьев просто хочет его успокоить.

– Буду в машине, – сказал он и направился к двери.

– Иди, я догоню, – крикнул вслед Пафнутьев и снова поднял телефонную трубку. Нужно было захватить с собой кого-то из экспертов, Худолей был явно неспособен к исполнению своих обязанностей. – Надо же, как достало мужика, – озадаченно пробормотал Пафнутьев. – И так, оказывается, бывает. И кто бы мог подумать, что подобное может случиться, и с кем?! С Худолеем! Уж лучше бы он запил, что ли... Я бы хоть знал, что делать.

Наверное, это бывает в каждом деле – есть работа, за которую берешься охотно, с улыбкой на устах, с песней в душе и носишься, будто у тебя где-то за спиной уже пробиваются крылышки с белым пухом, а есть работа все в том же деле и при тех же твоих обязанностях, от одного упоминания о которой сводит скулы, в душе наступают сумерки, а единственная мысль в таких случаях – нельзя ли на кого-нибудь ее спихнуть, нет ли возможности улизнуть на денек-второй, да что там денек, достаточно бывает исчезнуть на часок, на минутку, чтобы поручили это паскудное дело кому-нибудь другому.

Но не было, не было у Пафнутьева такой возможности, не на кого было спихнуть и раствориться на часок в воздухе тоже было совершенно невозможно. И потому пришлось ему, ссутулившись, сунув руки в карманы и надвинув кепку на глаза, под мелким весенним дождиком плестись к машине, плюхаться на переднее сиденье и, стараясь не смотреть в зеркало заднего обзора, чтобы не столкнуться с по-собачьи несчастными глазами Худолея, уставиться в стекло, по которому судорожными рывками передвигались капли. Потом, когда машина набрала скорость, капли поползли в стороны – встречным потоком воздуха их как бы раздвигало.

За рулем сидел Андрей, как обычно немногословный, но он все видел, слышал, все ощущал остро, будто происходящее относилось к нему прямо и непосредственно.

– Опять, наверное, Шаланда звонил? – спросил он.

– Звонил, – кивнул Пафнутьев.

– Что-то случилось?

– Случилось.

– Ограбили? Убили? Изнасиловали?

– Знаешь, Андрюша, у меня такое ощущение, что всего понемножку.

– Немножко ограбили, случайно убили, нечаянно изнасиловали?

– Да, Андрюша, да. Именно так.

– Неужели это когда-нибудь кончится, Павел Николаевич?

– Кончится?! – вскинулся Пафнутьев. – Ты спрашиваешь, кончится ли это когда-нибудь? Ты в самом деле надеешься на это? Андрюша, я правильно тебя понял?

– Наверное, я сказал что-то глупое?

– Да нет, – Пафнутьев передернул плечами, – вроде как не столь уж и глупое... Во-первых, преступления, даже убийства – это проявления жизни. Вспомни третьего человека на земле – Каина... Ведь убил, родного брата убил из зависти, всего лишь из зависти! А посмотри на так называемые развитые страны, за которыми мы устремились, задрав штаны выше пупка... Что ты видишь?

– А что я вижу?

– Ты видишь, как стоэтажные дома рушатся, будто карточные домики, погребая под собой десятки тысяч людей! Ты видишь, как тонут шаланды, да простит меня Жора, как тонут шаланды, наполненные сотнями беженцев из разных стран. Школьники, самые сытые в мире школьники расстреливают своих одноклассников десятками!

– Так мы еще хорошо живем, Павел Николаевич?

– Мы прекрасно живем! Если, конечно, Худолей, присутствующий здесь, позволит мне так выразиться.

– Позволяю, – отозвался Худолей. – Так что Шаланда... Светленькую, говорит, нашли?

– Да, – кивнул Пафнутьев. – Светленькую.

– Это она, – просипел Худолей.

– Светка? – дернулся Андрей. – Вы о Светке говорите? – Не обращая внимания на движение встречных машин, Андрей круто оглянулся, чтобы увидеть Худолея.

– Вроде, – ответил тот.

– Ее убили? Павел Николаевич, это ее убили?!

– Едем разбираться, – невозмутимо ответил Пафнутьев, уставившись в лобовое стекло. – Придем, посмотрим, убедимся, составим протокол... Что касается лично меня, то я не верю. Вернее, мне не верится.

– Почему? – спросил Худолей.

– Не знаю, – Пафнутьев передернул плечами. – Не стыкуются многие обстоятельства.

– Павел Николаевич, – заговорил Андрей, – а у вас были расследования, в которых все обстоятельства стыковались?

– Не было, – ответил Пафнутьев быстро и как-то уж очень легко, будто разговор не имел для него значения и никакого интереса не вызывал.

– Может быть, их и не бывает?

– Может быть.

– Тогда о чем мы говорим? – опять подал голос Худолей.

– О жизни. О чем можно еще говорить? Пока живые, будем говорить о жизни, о различных ее проявлениях, как хороших, так и дурных. По долгу службы нам чаще приходится говорить о дурных проявлениях жизни, но они тоже все-таки лучше, чем полное отсутствие жизни, – Пафнутьев бормотал, казалось бы, пустые и опять же какие-то нестыкующиеся слова. – Пока мы можем издавать различные звуки, передвигать предметы, сами можем передвигаться в пространстве... Это надо ценить, особенно самые простые вещи, настолько простые, что перед ними даже пареная репа может показаться атомным реактором.

– Способность издавать звуки, передвигать предметы и передвигаться самим? – спросил Андрей. – Что же здесь ценного?

– Однажды все это кончится. И никогда не повторится.

– Ни с кем?

– С кем-то это будет происходить в будущем, но мне от этого какая радость?

– Приехали, – сказал Андрей. – Похоже, вон там все и произошло, – он показал на толпу людей у мусорных ящиков. Далее шел какой-то редкий неухоженный кустарник с обломанными ветвями, которые раскачивались на весеннем ветру, создавая ощущение зыбкости, неуверенности, временности всего происходящего.

– Я останусь в машине, – сказал Худолей.

– И это правильно, – одобрил Пафнутьев. – Мы тебе потом все расскажем.

Пафнутьев с Андреем отправились вслед за экспертом – длинноногим парнем в затертых джинсах. Видимо, ему нечасто приходилось выезжать на место происшествия или же он вообще был новичком – бежал к мусорным ящикам вприпрыжку, словно опасаясь не успеть к самому важному. Несколько человек стояли в стороне, видимо, уже насмотрелись на печальное зрелище и теперь обменивались впечатлениями. Среди них возвышался Шаланда – успел все-таки приехать раньше Пафнутьева, рядом вертелся парнишка в форме, скорее всего участковый, маялась тетенька с массивным задом и недовольным лицом – эта, похоже, из домоуправления.

Труп лежал затиснутый между двумя железными коробами. Он был накрыт тряпьем, который жильцы сносят к ящикам из самых добрых побуждений – кому-то понадобится старое

пальто, кто-то соблазнится поношенными джинсами, детскую одежду расхватывали охотнее всего.

– Ты спросил, не встречался ли я с ней, – Шаланда кивнул в сторону трупа. – Это что, хохма у тебя такая?

– Нет, – Пафнутьев подошел поближе, но отдернуть старушечье пальто, которым был накрыт труп, не решился. – Это был серьезный вопрос.

– Да-а-а? – протянул Шаланда, все еще опасаясь розыгрыша. – Тогда ладно... Не встречался, Паша. Не довелось.

– Это хорошо.

– Почему хорошо?

– Меньше переживаний. Знания рожают скорбь, – Пафнутьев с интересом наблюдал за новым экспертом, который вертелся вокруг трупа, не зная, как поступить – фотографировать комок затертой одежды ни к чему, сдергивать пальто с тела – вроде команды такой не было, – он беспомощно оглянулся на Пафнутьева. – Отбрось в сторону тряпки-то! – крикнул Пафнутьев.

Взяв двумя пальцами край затертого рукава, эксперт медленно стянул его в сторону. Пафнутьев подошел ближе, зашел с противоположной стороны, чтобы рассмотреть лицо. Да, женщина была светловолосой, но у корней волосы были темные, почти черные. Присев на корточки, он всмотрелся ей в лицо – это была не Света.

Отойдя в сторону, Пафнутьев нашел взглядом в глубине двора свою машину. Он знал, знал наверняка, что где-то там, в глубине салона затаился несчастный Худолей и смотрит в эти секунды на него, на Пафнутьева, ждет слова, жеста какого-нибудь, чтобы знать, как ему быть, как жить дальше. Пафнутьев поднял руку повыше и помахал приглашающе. Дескать, хватит тебе там в одиночестве сидеть, подходи, ничего страшного здесь нет.

Задняя дверца машины распахнулась в ту же секунду – Худолей был наизготове, словно бегун на старте. Бросив дверцу за спиной, он бегом помчался к месту страшной находки. Бежал и смотрел в глаза Пафнутьева, все еще опасаясь, что тот остановит его, что смысл взмаха руки был другим, не столь обнадеживающим. Но Пафнутьев не остановил Худолея, терпеливо дождался, пока тот остановится рядом.

– Что, Паша?

– Не она.

– Точно?

– Я же говорил.

Худолей повернулся и заплетающимися шагами пошел к ближайшему подъезду. Сев на сырую скамейку спиной к мусорным ящикам, он опустил лицо в ладони и замер.

– Чего это он колотится? – спросил подошедший Шаланда.

– Бывает, – Пафнутьев развел руки в стороны.

– Он что... Это самое... – Шаланда с трудом пытался осмыслить посетившее его озарение. – Это его баба? – Шаланда кивнул в сторону мусорных ящиков.

– Нет, но думал, что его.

– И ошибся?!

– Немного. С кем не бывает, – Пафнутьев виновато поморгал глазами.

– Так это же здорово! – закричал Шаланда и так яростно сверкнул глазами, будто женщина между мусорными ящиками вдруг ожила. – Это же прекрасно!

– Конечно, – кивнул Пафнутьев. – Только это... Его баба все равно не нашлась. Так что он всего лишь получил небольшую отсрочку. Теперь к каждому трупу будет подходить с хорошим таким, доброкачественным, полноценным ужасом.

– Разберемся, – прорычал Шаланда и решительно, крупными шагами чуть вразвалочку, направился к Худолею.

Что он скажет, как выразит свое сочувствие, какие слова найдет – Пафнутьев даже представить себе не мог. Проводив Шаланду жалостливым взглядом, он подошел к мусорным ящикам.

Женщина в самом деле оказалась светленькой, но волосы были наверняка крашеными. Да, опять молодая, опять красивая. Как выражаются модные авторши криминальных романов, смерть была ей к лицу. Пафнутьев не знал более кощунственных слов о смерти, и потому название шумного романа запомнилось. Он это знал – смерть меняет не только выражение человеческого лица, она меняет и само лицо. Случается, что грубое, наспех, словно топором, вытесанное лицо после смерти становится одухотворенным, черты лица превращаются в тонкие, почти аристократические – человек только после смерти предстает перед людьми в истинном своем обличье, отбрасывая наконец-то дурашливость, напускную грубоватость, лукавую глупость. Уже ничем не рискуя, ничего не требуя, никого не опасаясь.

Страхи кончаются вместе с жизнью.

В беспомощном, устремленном в весеннее небо кулачке женщина сжимала нож. Пафнутьев наклонился, всмотрелся, не прикасаясь. Замусоленная, затертая деревянная ручка, а само лезвие было настолько истонченным, с такими зазубринами, что этим ножом можно было отрезать разве что кусок хлеба, кружок вареной колбасы, разбить яйцо для яичницы. Отведя мертвую руку в сторону, Пафнутьев обратил внимание, что нож к тому же оказался настолько коротким, что на кухне им попросту ничего не сделать – лезвие было надломлено.

– Что скажешь, Паша? – услышал Пафнутьев за спиной голос Шаланды. – Следы предсмертной схватки?

– Никакой схватки не было.

– А как же понимать нож в руке? Причем, обрати внимание, она держит его за лезвие.

– И что из этого следует? – Пафнутьев обернулся и посмотрел на Шаланду снизу вверх.

– В последний момент вырвала нож из руки убийцы – вот что из этого следует! Но силы уже оставляли ее – убийца успел полоснуть ножом по шее. Она умерла от потери крови. Согласен?

– Не было схватки, не хваталась она за лезвие, никто не убивал ее этим ножом, потому что этим ножом вообще никого убить нельзя. Присядь, Шаланда, присядь, а то ты смотришь с очень большого расстояния. Приблизься!

Шаланда оглянулся по сторонам, убеждаясь, что никто над ним не шутит, никто не слышал пафнутьевских слов, что он выглядит достойно, как и подобает человеку его положения.

Но все-таки присел, побряхтывая, опасаясь за форменные брюки, которые могли, ох могли каждую секунду разойтись по швам от необъятных бедер начальника милиции.

– Смотри, – Пафнутьев осторожно вынул нож из мертвой руки женщины. – Видишь эту железку? Ею можно убить кого-нибудь? Нельзя. Почему же тогда он оказался в руке этой несчастной? Зачем он оказался в руке этой несчастной? – спрашиваю я у себя и одновременно у тебя. А затем, что кто-то решил нам с тобой передать горячий привет. Тебе и мне.

– Кто? – выдохнул Шаланда.

– Убийца.

– Паша... Ты смеешься надо мной?

– Помнишь, неделю назад мы занимались убийством в квартире? Обнаружена женщина, обнаженная, с ножом в руке, и держала она его точно так же... Помнишь?

– О! – Шаланда в ужасе закрыл рот плотной своей ладонью, словно опасаясь, что ненароком произнесет нечто запретное, слово, которое никому слышать не позволено. – Точно, Паша! Это что же получается? Маньяк завелся?

Пафнутьев поднялся, отряхнул руки, поправил кепку.

– Ты как хочешь это назови... Может, для кого-то летная погода, может, это проводы любви.

– Шутка? – настороженно спросил Шаланда.

– Какие шутки! Посмотри на эту женщину... За ее убийством действительно стоят проводы любви. Во всяком случае, мне так кажется.

– Но цель, Паша, цель?!

– Может быть, кому-то хочется, чтобы мы думали, будто убийства совершил один человек, хотя на самом деле эти преступления совершили разные люди... Может быть, все наоборот. Не исключено, что и маньяк задумал поиграть с нами в прятки. Могут быть варианты из всех этих предположений... Но убийства эти... – Пафнутьев замолчал, рассматривая пронсящиеся над головой весенние облака – были они полупрозрачными, легкими, торопящимися. – Но убийства эти... – Взор Пафнутьева снова опустился к земле.

– Ну, ну? Паша, ну?! – постанывал от нетерпения Шаланда даже, кажется, пританцовывал в блестящих своих остроносых туфельках.

– Убийства эти разные, – Пафнутьев справился наконец с выводом, который блуждал где-то в его сознании, не находя выхода.

– Что значит разные, Паша?

– Там ухоженная квартира, здесь – свалка. Там действительно нож, которым можно полоснуть по прекрасной женской шее, а здесь какой-то обрубок, пригодный только дляковыряния в носу. Но, с другой стороны, и там и здесь всякие, как видишь, маникюры, педикюры... Причем свеженькие. Крашенные волосы, обнаженные тела... Что это у нее за пятно на шее, видишь? Может, ссадина? Или грязь, а, Шаланда?

– Похоже на синяк.

– Или прикус?

– Не понял?

– Да я все о том же! Проводы любви, Шаланда. Весной не только встречают любовь, но и провожают. Постой, постой, – Пафнутьев с неожиданной сноровкой обошел вокруг трупа, зашел с противоположной стороны, склонился над ногами.

– Что ты там увидел, Паша? – подошел поближе и Шаланда.

– Пятки.

– И что пятки?

– Порепанные.

– Это какие?

– Как бы тебе это объяснить, какое словцо подобрать... Да, вспомнил! Растрескавшиеся.

– И что это означает?

– Это означает, что убийство прошлой недели и это, – Пафнутьев кивнул на труп, – как бы это выразиться поточнее...

– Да уж выразишь как-нибудь наконец!

– Мне кажется, что обе пострадавшие были знакомы друг с дружкой.

– По пяткам определил?

– Да, Шаланда, по пяткам. Ты вот свои пятки пемзой трешь, когда в баню ходишь?

– Банщик трет. Я не могу дотянуться.

– Значит, они у тебя имеют приятный вид, нежные, розовые, есть на что посмотреть.

– У меня, и кроме пяток, есть на что посмотреть, есть чем полюбоваться. Не хуже, чем у людей, Паша.

– Они знали друг друга, – повторил Пафнутьев, словно уговаривая самого себя. – Они наверняка друг друга знали. Не исключено, что даже приехали из одного места. Многовато совпадений. Слишком их много, Шаланда.

– Слишком хорошо – тоже нехорошо.

Пафнутьев уставился Шаланде прямо в глаза. Но чувствовалось, что не видит он ни Шаланды, ни его озадаченного взгляда, да и вообще Пафнутьев, кажется, подзабыл, где нахо-

дится и как оказался среди мусорных ящиков, возле труп женщины с крашеными волосами и яркими ногтями.

– Ты чего, Паша? – спросил Шаланда, сбитый с толку странным поведением Пафнутьева. – Тебе плохо?

– А кому сейчас хорошо? – Пафнутьев мгновенно преодолел какие-то свои космические расстояния и в доли секунды вернулся на место происшествия.

– Ты оцепенел?

– С кем не бывает! – махнул рукой повеселевший Пафнутьев. Что-то ему открылось за те недолгие секунды, пока он отсутствовал, что-то осознал. И Шаланда звериным своим чутьем, интуицией это понял.

– Паша, у меня такое чувство, будто тебя посетила мысль?

– Посетила, – кивнул Пафнутьев. – Ты, Шаланда, открыл мне сейчас такие глубины человеческой сути, такие глубины... Я прямо содрогнулся всем своим телом.

– Это что же я такого сказал? – насторожился Шаланда.

– Что слишком хорошо – тоже нехорошо.

– Раньше ты этого не знал?

– Слышал, конечно, но как-то не проникался.

– А теперь проникся? – продолжал допытываться Шаланда. – Теперь дошло, да?

– И продолжает доходить.

– А мне можно об этом знать или нежелательно?

– Комедия все это, – произнес Пафнутьев, кивнув в сторону прикрытого уже трупа.

– Веселая? – осторожно спросил Шаланда.

– Веселого тут, конечно, мало, но и истинного тоже немного.

– Хочешь сказать, что все это ненастоящее? – Шаланда неотрывно в упор смотрел на Пафнутьева. – И труп тоже ненастоящий?

Но Пафнутьев опять унесся в свои запредельные дали, опять не видел ни Шаланду, ни мусорных ящиков, ни вороха тряпья, которым накрыли труп юной красавицы. Шаланда рванулся было повторить свой вопрос, шагнул уже было к Пафнутьеву, чтобы ухватить за рукав, встряхнуть хорошенько и вернуть на этот грязноватый двор, но подошедший Худолей успел остановить его. Приложив палец к губам, он дал понять, что говорить сейчас не следует, что Пафнутьев думает, а поскольку подобное случается нечасто, такое его состояние надо ценить. Худолей скорчил гримасу: дескать, извини, дорогой товарищ, но у нас свои правила и нарушать их нежелательно.

Шаланда раздраженно передернул плечами, сунул руки в карманы форменного плаща и, круто развернувшись, зашагал к своей машине, бормоча слова нервные и непочтительные.

А Худолей терпеливо дождался, пока Пафнутьев вернется из мистических своих блужданий, дождался, пока тот увидит его, заметит, словечко молвит.

– Ну как, Худолей? Что скажешь? – Голос его был по-прежнему бодр – голос человека, который понял наконец то, что от него так долго скрывали.

– Сдается мне, Паша, это не конец.

– Ты о чем?

– Будет третий труп, Паша. Два – это не число. А если число, то плохое. Природа не любит плохих чисел.

– А какие числа любит природа? – чуть раздраженно спросил Пафнутьев. – Семнадцать? Сто тридцать девять? Пятьсот восемьдесят один?

– Семнадцать – хорошее число, – невозмутимо ответил Худолей. – Остальные тоже ничего, но похуже. И потом, Паша... Не надо вслух произносить эти числа. Они не любят.

– А что они любят? Бутерброды с икрой? Водку из холодильника? Живых, веселых блондинок?

– Это, Паша, ты о себе говоришь, это ты все о себе, любимом. А числа любят молчаливое почтение. Они считают, что заслуживают уважительного к себе отношения.

– Так, – Пафнутьев постоял, глядя прямо себе под ноги. – Так, – повторил он. – И какой же нам сделать из всего этого вывод?

– Третий будет, Паша.

– Или третья?

– А сие уже есть тайна великая и непознаваемая. Как говорит один наш общий знакомый.

– Поехали, Худолей. Нам здесь уж делать больше нечего. Нас Величковский ждет, лучший плиточник всех времен и народов, – и Пафнутьев решительно зашагал к машине.

Величковский оказался точно таким, каким его можно было себе представить по телефонному разговору. На звонок Пафнутьева дверь открыл длинноватый, поджарый детина, явно лысеющий, с золотыми фиксами, в дырявых тренировочных штанах и клетчатой рубашке нараспашку. Весь он был покрыт белесой строительной пылью – шлифовал стены после покраски.

– Это вы звонили? – спросил он, и Пафнутьев опять отметил про себя отсутствие настороженности. Величковский произносил слова легко, не задумываясь. Опыт Пафнутьева позволял ему подобные интонации различать быстро и безошибочно. Если и можно было во всем облике Величковского обнаружить какую-то обеспокоенность, то это было вызвано, скорее всего, работой, которую ему пришлось оставить на какое-то время.

– Да, это я звонил, – ответил Пафнутьев.

– Входите... Только осторожно, здесь все в пыли, касаться ничего нельзя.

– Не будем касаться. – Пафнутьев пропустил Андрея вперед, прошел сам, закрыл за собой дверь. Худолея они оставили в машине, чтобы не подвергать лишним переживаниям – вдруг и здесь обнаружится труп блондинки, вдруг и здесь у нее в ладошке окажется нож, который она будет держать за лезвие. За последние дни Пафнутьев уже привык к таким блондинкам и в глубине души был согласен с Худолеем, допускал, что среди мусорных ящиков видел не последнюю. Самое печальное было то, что подобные худолеевские предсказания обычно сбывались. Пафнутьев в них не верил, раздражался, не пытаясь найти им разумное объяснение, но знал, что, скорее всего, они сбудутся. Не один раз Худолей доказывал, что его цифровое восприятие мира оказывается правильным.

– Дело идет к концу, – пояснил Величковский. – Еще неделя, может быть, две.

– Чьи хоромы? – спросил Пафнутьев, заглядывая в одну комнату, вторую, третью.

– Да есть тут один... Пятьдесят тысяч отвалил. Ничего, да? – со смешком спросил Величковский, пребывая в настроении благодушном и беззаботном.

– Рублей? – спросил Андрей.

– Ха! – залился плиточник веселым смехом, в котором прорывались нотки обиды и обделенности. – Долларов!

– Где же он их взял? – спросил Пафнутьев, стараясь, чтобы в его словах не прозвучало заинтересованности, чтобы только равнодушие и скука были в его вопросе.

– Девочки! – Величковский опять хохотнул, показав сквозь легкую строительную пыль золотые свои фикса.

– Да-а-а? – протянул Пафнутьев, чтобы не дать возможности Андрею задать неосторожный вопрос. – Хорошие девочки?

– Интересуетесь? – спросил Величковский таким тоном, каким один мужик может говорить с другим мужиком о женщинах.

– Кто ж ими не интересуется, – протянул Пафнутьев. – Да только вроде того, что годы вышли, – Пафнутьев развел руки в стороны, как бы показывая полнейшую свою беспомощность в этом вопросе.

– У тебя?! – В вопросе наконец-то прозвучали и шуточный гнев, и вполне серьезная страсть. – Да в твои годы, мужик, все только начинается, понял? Все только начинается! До этого была строевая подготовка и ничего более! Только строевая подготовка! Понял?

– О-хо-хо! – протянул лукавый Пафнутьев со стоном. – Вот Андрей еще может блеснуть удалью молодецкой, да, Андрей?

– Как скажете, Павел Николаевич, как скажете. – Не любил Андрей подобных разговоров и никогда их не поддерживал. Что-то мешало ему, что-то всегда останавливало. Пафнутьев это прекрасно знал и обратился к нему с одной только целью – разбавить треп словами необязательными и пустыми, чтобы в них, в этих пустых и необязательных утонула суть других слов – жестких и необходимых.

– Не понимаю, как можно зарабатывать на девочках, – проговорил Андрей, поняв Пафнутьева. – На девочек обычно тратятся, и хорошо тратятся.

– Как поставить дело! – Величковский рассмеялся легко, беззаботно, даже готовность поделиться своими знаниями промелькнула в его смехе. И Пафнутьева опять озадачила беззаботность парня. То ли откровенно глуп, то ли не подозревает, какие события разыгрались в его квартире. «А может, просто хорошо владеет собой? – спросил у себя Пафнутьев и тут же себе ответил: – Нет, так владеть собой невозможно».

– Я пройду, посмотрю? – спросил Андрей у Величковского.

– Да, конечно! Начинать с ванной! Там все уже готово. Кухня тоже в порядке, а в комнатах еще с паркетом надо повозиться... Мастер уже проциклевал, осталось нулевкой пройтись.

– Так ты не один здесь?

– Мое дело – плитка, стены, сантехника... А паркетчик, электрик, плотник – эти за свое отвечают.

Андрей медленно прошел в следующую комнату, потом заглянул в ванную, в туалет. Плитка и в самом деле была положена неплохо – ни единого сбоя в рядах, ни единого выступа или утопленного уголка он не обнаружил. И шершавая плитка на полу, и кафель на стенах, и декоративный ряд вдоль потолка – все было в одном теплом, палево-коричневом тоне, даже светильники у зеркала были подобраны такого же цвета.

– Ну как? – просунул голову в ванную Величковский. – Здорово, да? Мне самому понравилось.

– А плитку хозяин подбирает?

– Конечно! Я бы зеленую поставил, но ему захотелось теплую. Говорит, что зеленый холодит, кожа у него от зеленого цвета покрывается мурашками, как у лягушки.

– А себе бы зеленую поставил?

– Конечно! Верх посветлее, низ потемнее... Сейчас все так делают. Но если у вас другие пожелания – нет проблем. Только у меня машины нету, доставка материала на вас.

– Доставим, – пробормотал Пафнутьев в коридоре, но и Андрей, и Величковский его услышали. И хотя в этом негромком слове не было ни угрозы, ни предупреждения, Величковский насторожился, некоторое время молча смотрел в спину Пафнутьеву – тот уже осматривал кухню. – Отличная работа! – сказал он веселее, и эти простенькие в общем-то слова успокоили плиточника, он даже не удержался, снова себя похвалил.

– А пол! Вы посмотрите, какой пол! – Он провел ладонью по нескольким плиткам. – Ни выступа, ни зазубрины!

– Плитка испанская? – деловито спросил Андрей.

– Италия!

– А лучше какая?

– Хозяину ближе Италия, бывает он там.

– Часто? – невинно спросил Пафнутьев, подходя к окну – подоконник тоже был в порядке, гладкий, без пузырей из старой краски и окаменевших трещин.

– Да чуть ли не каждый месяц.

– Дела? – как бы между прочим, как бы скучая, спросил Пафнутьев.

– Да вроде того, – хохотнул Величковский, и опять в его словах прозвучало нечто такое, что вернуло мысли Пафнутьева к девочкам.

– Павел Николаевич, – появился из кухни Андрей. – Может, полюбуетесь, может, это всколыхнет ваши уставшие силы, – и он протянул пачку цветных фотографий. – Лежат на холодильнике без всякого присмотра... Такие вещи нельзя оставлять без присмотра.

Снимки были в пыли, с затертыми уголками, примятыми краями, кое-где просматривались надломы. Видимо, носили их в кармане, рассматривали в этой же квартире, среди кафеля, стружек от паркета, наждачной бумаги.

На всех снимках были изображены обнаженные женщины. Некоторые простодушно улыбались, глядя в объектив, у других улыбки были откровенно блудливые с этакой вызывающей порочностью, попадались лица спокойные и серьезные, будто озабоченные делом привычным и достойным. Съемка была явно любительской – плохо освещенные женщины лежали на каких-то затертых простынях, клетчатых одеялах, на некоторых фотографиях можно было заметить угол журнального столика, стакан, бутылку, тарелку с остатками закуски.

– Что скажете, Павел Николаевич? – спросил Андрей.

– Жирноваты.

– У нас все такие, – заметил Величковский, нисколько не смутившись неожиданной находкой Андрея.

– Где у вас? – скучая, спросил Пафнутьев.

– В Пятихатках. Город наш так называется – Пятихатки.

– А где это?

– Украина.

– Украина? – вздрогнул Пафнутьев.

– А что, бывали там? – беззаботно спросил Величковский.

– Приходилось, – и Пафнутьев снова потянулся к снимкам, которые уже успел передать Андрею. На этот раз он просмотрел их более внимательно. И увидел, что женщины не то полупьяные, не то полутрезвые, позы явно вызывающие, они как бы показывали фотографу самые заветные свои места. Впрочем, можно было уверенно сказать, что эти места уже не были у них заветными, скорее наиболее сокровенными местами остались подмышки, нежели что-то еще. – Кто снимал? – спросил Пафнутьев.

– Да ну! – махнул рукой Величковский и, как ни странно это было видеть, густо покраснел.

– Отличные снимки, – похвалил Андрей, понимая, что разговор явно приобретает второй смысл. – И девушки красивые... Это как же надо уговаривать, чтобы они согласились вот так сфотографироваться, – Андрей испытывал самолюбивую натуру Величковского, терзал его душу, жаждающую похвалы.

И тот не выдержал.

– Уговоры у меня получаются, – признался наконец Величковский, улыбнувшись широко и простодушно.

– Но это же старые снимки, – пробормотал Пафнутьев, пытаясь изобразить безразличие к разговору. Для убедительности он провел пальцем по стене, отряхнул руки.

– Как старые?! – возмутился Величковский. – Здесь нет снимка старше полугода.

– И что, с любой можешь познакомить?

– Запросто!

– Плитку ты, конечно, кладешь хорошо, но девушки у тебя еще лучше, – пробормотал Пафнутьев, снова перебирая фотографии. – Хорошо устроился... Иметь такой курятник не каждому удается. Неужели плиткой можно заработать на всех?

– А я их не балую. Трусики, лифчики, еще какая-нибудь мелочь... Вот и все мои подарки.

– Так, – Пафнутьев мучительно думал над следующим вопросом. – Значит, говоришь, сантехнику сам устанавливаешь?

– Да я все делаю сам! – воскликнул Величковский. – Кроме электрики, паркетных дел и плотницких работ. Может, и смог бы, но не люблю, не нравится. А плитку люблю укладывать. Если у вас работа по полной программе, могу поговорить с ребятами, не откажутся.

В кармане Пафнутьева зазвонил мобильный телефон. Пафнутьев, склонив голову, прислушался к дребезжанию звонка, поколебался и вынул коробочку.

Звонил Худолей.

– Ну что, Павел Николаевич? Забрестило?

– Понимаешь, электрику он заменить не сможет, по паркетным работам тоже не силен...

Но что касается плитки, то тут полный порядок.

– Колется? – спросил Худолей главное.

– И да и нет.

– А так бывает?

– Понимаешь, Валя, вроде всему находится объяснение, все в пределах разумного, целесообразного, хотя и слегка криминального. Легкий такой криминальный душок, как от женщины, которая хлебнула коньяка, но не хочет в этом признаться: дескать, после шампанского от нее такой запах идет... Врубился?

– А пальцы в дверь?

– Чуть попозже.

– Слиняет, Паша! – простонал Худолей. – Как пить дать слиняет!

– Давай так договоримся... Через полчаса, в крайнем случае через час я буду у себя.

Подходи, поговорим.

– Сейчас я не нужен?

– Вроде обо всем договорились... Договорились? – спросил Пафнутьев, повернувшись к Величковскому.

– Обо всем, кроме денег, – ухмыльнулся тот.

– Слышал? – спросил Пафнутьев у Худолея. – Во всем у нас ясность, остались только деньги.

– И объем работы, – подсказал Величковский.

– Я слышал про объем работы, – сказал Худолей. – Как я понимаю, ты к себе с ним подъедешь?

– Хотелось бы, – вздохнул Пафнутьев.

– На всякий случай буду внизу. Подстрахую. А то знаешь, два трупа – это такая вещь, которая вот так просто на дороге не валяется. Их ценить надо, беречь, чтобы ничего не случилось ни с ними, ни с теми, кто пока еще жив.

– Тем более что ты третьего ждешь, – неосторожно проговорил Пафнутьев, но Величковский понял его слова по-своему.

– Что, ребята выпить собираются? – спросил он.

– Уже собрались, – и Пафнутьев сунул телефон в карман. – Давай, Дима, так договоримся... Ты про деньги говорил, про объемы... Поехали сейчас со мной и все эти вопросы снимаем. Готов?

– Я переодеться должен, – Величковский растерянно осмотрел свой замызганный наряд, перепачканный всей пылью, которая только была в доме, – известковой, паркетной, кафельной, похоже, ему еще пришлось повозиться со ржавыми трубами.

– Подождем, – решительно сказал Пафнутьев.

А дальше Пафнутьева и Андрея ожидало маленькое потрясение. То, что Величковский назвал простым словом «переодеться», оказалось процессом долгим и каким-то причудливым.

Для начала он принял душ и смыл с себя строительную пыль. Потом принялся перед зеркалом тщательно укладывать небогатые свои волосенки, и не просто причесывать, он как бы углубился в поиск – куда направить главную оставшуюся прядь, какой изгиб придать вспомогательной пряди где-то за правым ухом, потом навел порядок на затылке, где, собственно, и сохранилась основная масса его волосяного покрова.

Покончив с прической, Величковский вынул из какой-то сумки газету, развернул и поставил на нее извлеченные из целлофанового пакета сверкающие туфли, каких наверняка не было и никогда не будет ни у Пафнутьева, ни у Андрея. Надев штаны с легкой искрой, натянув носки, тоже слегка посверкивающие, Величковский затянул пряжку ремня, чуть втянув слегка выпирающий молодой животик. Вынув из шкафа белоснежную рубашку, он, не торопясь, надел ее, застегнул все пуговицы, все до единой. Это сразу выдало в нем приезжего из какой-то деревни, может быть, из тех же Пятихаток – городской житель никогда не застегнет на рубашке все пуговицы, две верхние у самого воротника обязательно оставит свободными. Или уже в крайнем случае наденет галстук. Хотя и с галстуками ныне происходят, похоже, необратимые перемены – избегает их молодое поколение, предпочитая свитера, джемперы, маечки, напоминающие нижнее белье.

Набросив на плечи куртку из тонкой кожи, Величковский еще раз придирчиво осмотрел себя в зеркало и лишь после этого улыбочиво повернулся к поджидавшим его Пафнутьеву и Андрею.

– Вперед? – спросил он.

– Только вперед, – подхватил Пафнутьев и, незаметно сунув в карман пачку снимков, первым шагнул к двери. Он сознательно не оглядывался, как бы полностью доверяя идущему следом Величковскому, но в то же время прислушивался к его шагам, готовый каждую секунду рвануть вверх, если шаги позади него вдруг затихнут. Но, не подозревая подвоха, Величковский даже догнал Пафнутьева и шел рядом, посверкивая роскошными своими туфлями. На площадке первого этажа, перед тем как выйти из дома, он остановился и вынул из кармана куртки черную коробочку. Это оказалась вакса, намазанная на поролон. Не обращая внимания на Пафнутьева, на догнавшего их Андрея, Величковский еще раз протер свои туфли, добившись почти нестерпимого блеска, и невозмутимо сунул коробочку в карман.

– Теперь я знаю, за что тебя девушки любят, – заметил Пафнутьев.

– За что?

– За туфли.

– У меня есть и другие достоинства.

– Разберемся, – Пафнутьев опять допустил неосторожность, произнеся это словечко, но Величковский ничего не заподозрил. Похоже, он и в самом деле не чувствовал опасности. – Прощу! – Пафнутьев распахнул правую заднюю дверцу машины.

– О! «Волга»! Наверное, в начальниках ходите?

– Стараемся. – Пафнутьев знал, что левая дверца заблокирована, и, втиснувшись в машину вслед за Величковским, расположился на заднем сиденье.

Ехали молча.

Величковский несколько раз попытался было заговорить, но слова его были необязательными, предназначенными единственно для того, чтобы нарушить тишину. Но никого, кроме него, молчание в машине не угнетало, казалось естественным. Замолчал и Величковский, только сейчас, видимо, начиная сознавать, что происходит нечто непонятное. И забеспокоился. Посмотрел на одного, на второго. Во всем облике Пафнутьева чувствовалась какая-то каменная непоколебимость. Оглянувшись несколько раз назад, Величковский обратил внимание на машину Худолея – тот шел следом, не отставая больше чем на двадцать-тридцать метров.

– По-моему, за нами хвост, – сказал Величковский и привычно хохотнул, стараясь оправдать собственную подозрительность.

Остальные промолчали.

– Куда едем? – дернулся Величковский обеспокоенно.

– Куда надо, – ответил Андрей.

– Не понял?!

– В Чечню.

– Зачем?!

– Будешь там плитку класть.

– Десять лет, – добавил Андрей. – А потом отпустим.

– Вы что, серьезно?! Я еще не закончил ремонт в той квартире!

– Вернешься – закончишь! – весело обернулся Пафнутьев. И, чтоб успокоить разволновавшегося плиточника, похлопал его ладонью по коленке. – Все нормально, старик, все в порядке. Ты что, в самом деле нас за чеченцев принял?

– А кто вас знает... Может, вы перекрашенные. Вон показывали недавно старика – десять лет в рабстве у чеченцев был. Даже забыл, как его зовут.

– Напомним, – мрачно обронил Андрей.

– Приехали, – сказал Пафнутьев. Машина остановилась у здания следственного управления. Первым вышел Андрей, распахнул заднюю дверцу машины и напористо произнес: – Прошу!

Величковский вылез осторожно, чуть помедлив. Он тоскливо посмотрел по сторонам, механически бросил взгляд на свои туфли.

– Так это же прокуратура? – жалобно произнес Величковский. Голос его сделался каким-то слабым, в нем не осталось и нотки того куража, с которым он совсем недавно показывал снимки девиц.

– Ты что же думаешь, в прокуратуре туалета нет? – спросил Худолей, выбравшись из своей машины. – У нас тут все как у людей. Краны, правда, текут, пол мокрый, вода в бачках не держится, туалетную бумагу посетители воруют с такой скоростью, что невозможно уследить... А так все в порядке, все как у порядочных.

– Если дело в этом, тогда другое дело, – облегченно протянул Величковский, но опасность в его взгляде, скошенном, как у молодого жеребца, не исчезла. – А платить кто будет?

– Еще сам доплатишь.

– Как сам?!

– Пошли, – Пафнутьев положил руку Величковскому на плечо. – Шутят ребята, понял? Шутки у них такие.

– Таких шуток не бывает, – плиточник послушно поплелся к зданию.

– Я с вами, Павел Николаевич? – крикнул им вслед Худолей. – А то вроде того, что...

В ответ Пафнутьев, не оборачиваясь, махнул приглашающе рукой: давай, дескать, не отставай. И Худолей обрадованно бросился следом, будто опасался, что начальство передумает.

– Прошу садиться, – сказал Пафнутьев Величковскому уже в кабинете.

– А плитка...

– О плитке чуть попозже. Сначала о людях.

– Каких людях?

– А вот об этих, – Пафнутьев бросил на стол пачку снимков.

– Вы думаете, что я...

– Нет, я вообще не думаю. Все, что можно, я в своей жизни уже передумал. Мне теперь нет никакой надобности заниматься этим пустым делом.

– Каким? – не понял Величковский.

– Думанием.

– А ваш туалет, о котором говорил...

– О нем тоже чуть попозже. У тебя есть фотография? – обратился Пафнутьев к Худолею, расположившемуся в углу кабинета.

– Какая? – спросил тот, но тут же понял, о чем идет речь. Порывшись во внутреннем кармане пиджака, Худолей положил перед Пафнутьевым портрет Светы Юшковой. Снимок был сделан хорошим мастером – объемный свет, мягкие линии, подсвеченные со спины светлые волосы.

– Да, – протянул Пафнутьев, рассматривая портрет. – Кажется, я начинаю тебя понимать.

– В жизни она еще лучше.

– Допускаю, – кивнул Пафнутьев. – Подойди, – сказал он Величковскому. – Знаешь этого человека?

– О! – счастливо протянул Величковский. – Светка... Надо же где довелось свидеться!

– Знаешь, кто это? – спросил Пафнутьев, делая успокаивающий жест Худолею, который напрягся в своем кресле, готовый вскочить и разобраться с этим долговязым фиксатом плиточником.

– Говорю же – Светка Юшкова.

– Откуда ее знаешь?

– Общались.

– В каком смысле?

– А! Не то что вы подумали. Не мой человек. – Величковский бросил быстрый взгляд на пачку снимков, лежащих на столе. – Просто общались. Она это... Игорёвая.

– Какая? – не понял Худолей.

– Ну... В смысле человек Игоря. Зовут его так.

– Фамилия?

– Фамилия? – удивился Величковский. – Фамилия, – повторил он растерянно. – А я не знаю. Игорь, он и есть Игорь.

– Хорошо, – Пафнутьев помолчал, не зная, что спросить, поскольку очевидных вопросов в разговоре с этим странным плиточником у него не возникало. – Хорошо... Квартира, которую ты сейчас ремонтируешь... кому принадлежит?

– Игорю.

– Он там прописан?

– А вот этого не скажу.

– Почему?

– Потому что не знаю. – Величковский преданно смотрел Пафнутьеву в глаза, и тот понимал – не врет. Может быть, просто потому, что не способен, не дано это ему, он, похоже, может произносить только ответы на четко поставленные вопросы. Но знал Пафнутьев и то, что можно отвечать прямо, правдиво, но при этом отчаянно лукавить.

– Хорошо. – Пафнутьев медленно перетасовал пачку снимков. – Хорошо... Как же они согласились вот так сфотографироваться?

– Я же говорил – уговоры у меня получаются! – воскликнул Величковский даже с некоторой горделивостью. – Доверяют они мне. Глупые, – добавил он для убедительности.

– Так это твоя работа?

– Вы имеете в виду...

– Фотографировал ты?

– Ну.

– Послушай, Дима... Я понимаю, когда говорят «да», понимаю, когда говорят «нет». Но я не понимаю, когда говорят «ну»! Скажи мне, пожалуйста, что означает эта конская погонялка?

– Какая погонялка? – Величковский был, кажется, испуган неожиданным вопросом.

- Конская! Лошадиная! Кобылья! Жеребьячья!
- Вы же сами спросили...
- Ты фотографировал этих толстозадых красавиц?
- Ну.

Пафнутьев обессиленно откинулся на спинку стула и некоторое время сидел, уставившись в противоположную стенку. Он прекрасно понимал значение злосчастного «ну», это было своеобразное, смягченное, но все-таки утверждение, то же «да», но с вопросом, дескать, да, согласен, но не окончательно, произнося «ну» вместо «да», человек как бы и соглашается, но оставляет себе запасной выход.

– Где ты познакомился с Юшковой? – устало спросил Пафнутьев, уже не надеясь на ясный ответ.

- Так она же ко мне пришла квартиру снимать!
- Почему она пришла именно к тебе?
- Я же сказал – Игорь направил. Она – Игорёвая. Чтобы вам было понятнее, могу сказать по-другому... Светка – человек Игоря.
- Сколько ты с нее получал за квартиру?
- Не надо меня дурить! – взвился Величковский. – Ничего я не получал! Ни копейки!
- Сдавал квартиру даром?
- Ничего я ей не сдавал! – выкрикнул Величковский и даже отвернулся обиженно, будто обошлись с ним незаслуженно грубо.
- Чем же она с тобой расплачивалась? – спросил Пафнутьев, прекрасно сознавая, как к этому вопросу отнесется оцепеневший в углу Худолей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.